

Кае де Клиари

18+

Колдовской замок. Часть VII. Исход

Кае де Клиари Колдовской замок. Часть VII. Исход

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48806196

SelfPub; 2022

Аннотация

Кто сможет наверняка сказать, что такое любовь? Может быть, это дар? Или испытание? Или беда? Или иллюзия? Так вот, любовь – это всё сразу! А ещё любовь – это сплошные сюрпризы, порой такие, о которых и не мечталось вначале и какие не виделись в самых фантастических снах. Может, у кого-то это не так, но у принцессы Анджелики и её возлюбленного дракона только так, и никак иначе. Но это не мешает им обрести, наконец, друг друга и совершить исход... Откуда и куда? Из жизни полной любви и разлук, в жизнь полную любви и счастья!

Содержание

Новый титул	4
Глава 1. Сквозь альбом	6
Глава 2. Чуток промахнулись	14
Глава 3. От книг одни несчастья!	25
Глава 4. Козлик мой!..	32
Глава 5. Небольшой промах	46
Глава 6. Ты ещё маленькая!..	52
Глава 7. Подружитесь, если не убьёте друг друга	60
Глава 8. Верхом на самоваре!	80
Глава 9. Чужая тишина	101
Глава 10. Лучше сейчас	110
Глава 11. Озеро; услуга и плата	115
Глава 12. Новая тревога и огуречное определение	124
Глава 13. Возможно, он его убил...	129
Глава 14. Да вот же она!	135
Глава 15. Разделить ночь	138
Глава 16. Выпутаться непросто...	141
Глава 17. За дохтуром, да в постелю!	148
Глава 18. Возможно, он расскажет?	157
Глава 19. Цель прогресса	161
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Кае де Клиари Колдовской замок. Часть VII. Исход

НОВЫЙ титул

Сказка для детей, которые готовятся стать взрослыми, но не корчат из себя взрослых, и для взрослых, которые не забыли, что они на самом деле подростки дети, но кое-что повидали уже в этой жизни

.....

Эта книга является результатом фантазии автора. Любые совпадения имён, прозвищ, географических и прочих названий, терминов, а также возможных событий и ситуаций, являются случайными.

Все герои этого произведения достигли восемнадцатилетнего возраста или давно уже миновали его. Изображение интимной жизни персонажей романа, их особых пристрастий и взглядов, не являются порнографией, так-как представляют собой часть повествования и служат неотъемлемыми деталями сюжета.

Вместе с тем, автор наставительно не рекомендует это произведение лицам, не достигшим восемнадцати лет, и

призывает старшие поколения не допускать своих несовершеннолетних детей и воспитанников к ознакомлению с этим романом.

Высказанные автором идеи, относительно общественной морали, предрассудков и заблуждений в этой области, являются его личным мнением. Автор романа не претендует также на первенство относительно этих идей, и отсылает читателей к трудам мыслителей прошлого и настоящего, исследовавших означенную проблему на научном уровне.

.....
*Посвящаю эту книгу своему другу и названному брату
Чарльзу Коттеру, в обществе которого я провёл лучшие
годы своей жизни.*

Кае д'Клиари

.....
Защищено авторским правом.
Категория 18+

Глава 1. Сквозь альбом

– Папа? Па-ап?!

Тишина была глухой и пыльной, какой она всегда бывает в больших книгохранилищах, когда там нет людей. Правда, помещение, где они сейчас оказались, не было похоже на книгохранилище. Оно представляло собой небольшую круглую комнату без окон, стены которой были уставлены шкафами с книгами. Между шкафами стояли зачем-то рыцарские доспехи. Впрочем, они гармонично вписывались в средневековый дизайн комнаты и находившихся в ней предметов.

– Почему ты решила, что твой отец отзовется здесь? – спросил Барбарус, разглядывая люстру под сводчатым потолком, представлявшую собой тележное колесо с прилепленными по ободу свечами.

Когда они здесь появились, свечи уже горели. Видимо их зажгли совсем недавно, так-как воск, лишь слегка оплавился.

– Почему бы ему не ответить? – пожала плечами Фоллиана. – Мы ведь в библиотеке.

– Да?

Капитан огляделся вокруг и пожал плечами.

– Если это и библиотека, то очень маленькая, – сказал он.

– Я бы не стала спешить с такими выводами, – усмехну-

лась девушка. – Вот, взгляни!

Она подошла к одному из шкафов, и, протянув к нему руки ладонями вперёд, как будто раздвинула перед собой что-то невидимое. И тогда удивлённому капитану предстали уходящие в бесконечную даль ряды стеллажей, уставленных книгами.

– Так это порталы?! – воскликнул он в невольном восхищении.

– Что-то вроде того, – улыбнулась Фоллиана. – Вот только я не знаю, куда они ведут. Эти книжные лабиринты мне совершенно незнакомы. Наверное, только папе известно...

– Нет, он тоже бывал далеко не везде, – раздался вдруг позади них незнакомый голос.

Фоллиана и Барбарус обернулись почти уверенные, что им послышалось, потому что настолько бесшумно к ним могла подойти только кошка. Но это была не кошка. Фигура, восседавшая в кресле с высокой готической спинкой, больше всего напоминала монаха в чёрной рясе с капюшоном. Молодые супруги готовы были поклясться, что несколько секунд назад никакого монаха в кресле за большим круглым столом не было. Да и самого кресла не было, как впрочем, и стола. Теперь же стол был, и к нему были придвинуты целых три кресла – два мягких с бархатной обивкой и одно выполненное в суровом готическом стиле. В нём-то и помещался таинственный «монах».

– Прошу вас, господа, присядьте! – произнёс «монах»,

указывая на два мягких кресла рукой затянутой в чёрную бархатную перчатку с вышитыми на ней серебряными звёздами.

Это было странно, это было даже как-то противоестественно, и уж точно шло вразрез с представлениями об этикете, которому оба были обучены с младенчества. Но, повинаясь какой-то гипнотической силе, супруги влезли в мягкие кресла, чувствуя себя детьми в обществе авторитетного, но демократичного учителя.

– Вашего батюшки здесь нет, хоть это и ломает многие традиции, – продолжил «монах», в голосе которого слышалась весёлая ирония. – Но зато в его отсутствие мы можем позволить себе некоторое отступление от правил.

Сказав это, он широким жестом указал на стол, на котором неведомым образом вдруг появились большие серебряные кубки с вином и целые горы великолепных фруктов. Перед самым хозяином, (а в том, что он здесь хозяин сомнений не было), тоже стоял большой кубок, смахивающий на полуведёрный стакан, в котором что-то подозрительно пенилось.

– За вас, за моих гостей, которых я всегда рад видеть под своей кровлей! – провозгласил хозяин и видимо отпил из своего сосуда, но как он это сделал, не было видно, так-как капюшон полностью скрывал его лицо.

Пригубив вино из своего кубка, Барбарус решил, что не пробовал за всю свою жизнь ничего вкуснее. Фоллиана тоже отметила великолепный букет и изысканный аромат напит-

ка, но он показался ей слишком крепким, а потому она едва притронулась к своему кубку.

Помолчали. Видимо все чувствовали некоторую неловкость, но это дало им время немного изучить друг друга.

– Господин Библиотекарь, – продолжил «монах» прерванную тему, которую сам же и начал, – великий специалист в своей области, за что я ценю его любезное согласие принять участие в работе с моими книжными сокровищами. Но даже он при всей своей неподражаемой вездесущности, лично может проконтролировать лишь одну десятую книжных просторов, к которым открывается доступ здесь.

– Но, как же так? – удивилась Фоллиана. – Я всю жизнь считала, что отец присутствует одновременно во всех библиотеках материальных миров...

– И вы не ошиблись! – ответил «монах», по голосу которого можно было понять, что он улыбается. – Но вы сами только что сказали – «материальных миров». Здесь же открыт широчайший доступ к сокровищам мудрости миров нематериальных.

– Неужели такое возможно? – воскликнул удивлённый Барбарус.

– Вас ли я слышу, сеньор капитан? – рассмеялся «монах». – Разве вы и ваша очаровательная супруга прибыли сюда не из такого мира? Или вас не удивила странная организация «злопъесы», необычная её обстановка и чудная манера разговаривать, которую перенимали все, кто попадал туда

извне?

Барбарус задумался. Их необычный хозяин был совершенно прав. Оставалось лишь удивляться тому, насколько быстро они с Фоллианой забыли о том, где находились только что, и как всё это было...

.....

Фоллиана: Какая красота! Никогда бы не подумала, что в замке Злорда может быть такое сокровище.

Барбарус: Я же говорил! Кстати, эти два олуха – Злюк и Зляк, хоть и абсолютные болваны, но дело своё знают. Уборка выполнена на отлично, всё вычищено до стерильности.

Фоллиана (*разуваётся и идёт по ковру босиком*): Тогда давай прямо здесь!

Барбарус (*со смехом*): Что, прямо на полу?

Фоллиана: Да! Ты ведь знаешь – я люблю, когда вокруг книги...

Барбарус (*обнимает её*): Знаю! Это всегда было чудесно, но особенно замечательно между стеллажей на самом простом одеяле. Но, что если кто-нибудь войдёт?

Фоллиана: Ну и пусть! Пускай завидуют!

(повисает у него на шее)

Барбарус: И тебя не смущает, что посторонний человек увидит что-нибудь, э-э, лишнее?

Фоллиана: Не-а! Меня это наоборот заводит!

Барбарус: О! Какая развратная у меня жена!

(целует её)

Фоллиана: И горжусь этим!

(Чуть поодаль без видимой причины срывается с полки альбом большого формата и с громким шлепком падает на пол)

Фоллиана: Ай! Что это?

Барбарус: Книга упала. Кажется, художественный альбом.

Фоллиана: Бедненький! Я надеюсь, он не ушибся? Сейчас поставлю на место.

(подходит к раскрывшемуся альбому и наклоняется над ним)

Ух-ты! Посмотри-ка – здесь картинка светится!

Барбарус: Где?

(подходит поближе)

Фоллиана: Вот! Смотри...

(протягивает руку, чтобы показать мужу иллюстрацию и одновременно берёт его другой рукой за руку)

.....
– Так мы очутились здесь, – сказала Фоллиана, очищая банан.

– Хорошо, что вы в последний момент взялись за руки, – прокомментировал её слова «монах». – Ещё немного, и в этой запутанной истории появилась бы очередная разлучённая пара.

– В какой истории? – спросил Барбарус.

– И какая пара? – любопытствовала Фоллиана.

– Я имею в виду принцессу Анджелику и её возлюбленного дракона, – пояснил «монах». – Что же касается истории, то могу вам её рассказать, так-как слежу за событиями, насколько хватает моих магических возможностей, а они у меня немаленькие. Если пожелаете, я расскажу вам всё что знаю, но предупреждаю, что на это потребуется время.

Когда супруги изъявили желание выслушать всё, что он обещал им поведать, «монах», тоже видимо хотевший ввести

их в курс дела, приступил к изложению своей повести:

– Итак, всё началось с того, что однажды океанский прилив принёс едва не к самому порогу моего замка безжизненное тело девушки...

Глава 2. Чуток промахнулись

– Эта мазь заживляет небольшие раны, порезы царапины и ожоги. Она же хорошо убирает синяки и помогает рассосаться рубцам, поэтому её накладывают даже на шрамы.

Может быть, так оно и было, но запах у мази, которую где-то раздобыл Фиг, оказался отвратительный – смесь дёгтя и тухлой рыбы. Некоторое время его можно было терпеть, но через пару часов им пропитывалось буквально всё, и Анджелика начинала сходить с ума от этой мерзкой отдушки. Однако, от розового пятна на лбу, которое обещало стать белым, она хотела избавиться. Хорошо ещё, что этот след от рога Рогелло Бодакулы был маленьким и располагался высоко над переносицей. Когда пуля Драси превратила артефакт в осколки, его волшебство кончилось, связь рога с черепом оборвалась, (а ведь казалось, что он врос в него и стал единым целым навсегда!), и Анджелика избавилась от демонического вида и сущности. А ведь она едва не превратилась в золотого дестроера, разрушающего всё на своём пути!

Проклятие было снято, но осталось небольшое пятнышко, делавшее её похожей на девушку из Индии. Драся утверждал, что это её совершенно не портит. Фиг с Быком хором твердили то же самое, но ей всё же хотелось избавиться от этой отметины. Дело было не в эстетическом изъяне, это можно было пережить, замазать гримом или, в самом деле,

рисовать поверх шрама индийскую точку. Но ей не хотелось до конца жизни при взгляде в зеркало вспоминать обезумевшую при виде золото демона толпу людей мечущихся и давящих друг друга. Иногда ей казалось, что она до сих пор слышит их крики, стоны и хруст костей, видит искажённые мукой лица, остекленевшие глаза, лужи крови, вывороченные внутренности...

Забыть... Это необходимо было забыть, иначе она сойдёт с ума! Пусть не совсем забыть, ведь это врядли возможно, но хотя бы отодвинуть на периферию памяти, убрав то, что каждый день будит кошмары.

Где Фиг раздобыл эту мазь, фиг его знает, но мазь действительно снимала зуд, а под её воздействием пятно всего за пару дней стало бледнее. В общем, Анджелика решила терпеть.

Вид у принцессы сейчас был такой: грязные растрёпанные волосы, перехваченные налобной повязкой из тряпки, рубашка Быка, заменяющая платье, куртка Фига – единственное, что пришлось по размеру, на ногах обмотки, сооружённые Драсей, из чего попало. При этом, как он ни старался, после двух часов ходьбы, подошвы у неё оставались голыми. Но Анджелика не жаловалась, даже наоборот старалась это скрыть, а то Драся тут же останавливал движение их отряда и начинал всё переделывать.

В руках девушка несла копье, больше не желавшее становиться булавкой. Избавить её от этой ноши у друзей не полу-

чалось – при малейшей попытке взять его в руки, копьё шипело, как рассерженная кошка и начинало драться короткими молниями. Успокаивалось оно только в руках Анджелики. Мысли о том, чтобы совсем бросить это оружие девушка не допускала, хоть из-за золотого наконечника, одетого на его тупую часть, копьё потяжелело вдвое.

Вообще, их четвёрка походила сейчас на небольшую ватагу бродяг, возглавляемую юным индейским матриархом, так-как Анджелика частенько ехала впереди верхом.

Вся одежда Драгиса, за исключением чёрного гангстерского плаща, погибла во время его последней трансформации в дракона. (Это чудесное превращение так и осталось загадкой для всех, но Драся рассказывал, что с ним случилось что-то такое в прошлом.) Теперь он щеголял в этом плаще, одетом на голое тело, а ещё, ему достались штаны и ботинки Быковича. Штаны были основательно шире в поясе, зато короче – до щиколоток. Ботинки хлябали, будучи на два размера больше. Но, в общем и целом, костюм получился.

Фиг, уступив Анджелике свою куртку, пребывал теперь в куртке Быка, которая с успехом заменяла ему пальто. Кроме того, воротник этой куртки оказался слишком высоким, от чего временами создавалось впечатление, что у её нынешнего владельца вообще нет головы, а шляпа надета прямо на плечи.

У кого-то, может быть, возникнет вопрос – а во что же при этом был одет сам Бык? Вот именно, что ни во что! Едва

они покинули пределы мира, где произошло столько всего нелепого и ужасного, (но и хорошего тоже), как Бык принял свою естественную форму, и был этим так доволен, что долго не мог успокоиться. (Часа два прыгал, как телёнок, которого выпустили погулять на травку!)

Зато у Анджелики снова появился свой личный «скакун», которого она могла оседлать в любой момент. Бык только расплывался от удовольствия, когда она это делала, а Фиг тайком потешался, глядя на то, какие ревнивые взгляды бросает на эту картину Драгис.

Дракон ревновал зря. Анджелика, в которую он дважды стрелял за последнее время, не желала отходить от него дальше, чем на десять шагов и признавалась, что хотела бы быть семечком репейника на его одежде. На привалах они спали вместе, укутавшись одним плащом, и не осуществили ещё свою любовь, только из-за того, что друзья были рядом, а разделяться в столь необычной и опасной местности было нельзя.

В одну из таких ночей, когда обоим не спалось, Анджелика рассказала возлюбленному про то, что едва не произошло в мотеле между ней и Огнеплюем, и про то, что почти случилось с ней на «особом» молебне «продвинутой» группы секты Святого Мика. Рассказала, замирая от страха, ожидая, несмотря на все заверения Мегги, что Драся сейчас выгонит её из-под своего плаща и скажет, что не желает больше видеть «такую тварь»... Ничего подобного не случилось.

Драся сказал, что ожидал чего-то подобного от брата, и даже в конечном итоге был поражён его благородством, природу которого так и не понял до конца. Огнеплой сдерживал себя с потрясающей стойкостью, и только чрезмерная доза алкоголя сняла тормоза с его затуманенного сознания. Хорошо, что рядом оказалась Мегги! Врядли даже в человеческом теле он сотворил бы плотское насилие над Анджеликой, ведь этого нет в природе драконов. Но задушить девушку или даже загрызть от страсти он мог.

Что же касается мерзавцев из «продвинутой» части секты, то он, природный дракон, рад, что они получили своё. Правда, Анджелику такой ответ удовлетворить не мог. И тогда она рассказала ему подробно о тех чувствах и желаниях, которые испытывала тогда.

Когда Драся понял, чего она боится и чего хочет от него, он обнял возлюбленную покрепче и рассказал, что в драконьем семействе случается, что самка приносит в пещеру «яйцо извне», которое называется «даром извне». В таких случаях принято «отдать дар», то есть нанести визит с определённой целью в семейство, откуда это яйцо наполовину происходит. Это не означает сделать яйцо с самкой именно того дракона, который совершил такой «дар». Иногда принять ответный «дар» соглашается кто-нибудь из их подросших дочерей или сестёр, но никогда этот «дар» не отвергается. У него в семье есть двое из таких «подаренных» братьев, почти ровесников Мегги, и одна сестра из старших.

Столько же «подарков» папа отдал в соседних драконьих логовах. Может быть даже больше, кто считается между добрыми соседями? Но это не значит, что мама и папа не любят друг друга!

Не то, чтобы Анджелика была рада узнать о такой свободе во внутрисемейных драконьих отношениях, но она узнала одно – никаких поправок и осуждений со стороны Драси она за тот случай не услышит, ни сейчас, ни в будущем. Наоборот, возлюбленный жалел её, натерпевшуюся от окружающих негодяев и от самой себя. Жалел её лишних бед и переживаний, которые совершенно не нужны были юной девушке.

Это означало, что все дурные мысли, сомнения и воспоминания следовало выкинуть из головы и жить дальше, наслаждаясь близостью с любимым, с которым судьба-злодейка повадилась их разлучать.

.....

Когда профессор Прыск заявил, что сможет доставить их куда угодно, то он несколько преувеличил свои возможности. Обнаруженный им и Библиотекарем трактат, действительно содержал ключевые формулы для путешествия между мирами, но большинство их требовалось ещё расшифровать. Однако те, которые ему уже удалось освоить, успешно открывали межпространственные туннели, и казалось, что этого вполне достаточно. То, что это не так, они поняли незадолго до «высадки».

– Что-то не то! – озабоченно сказал Бык, шумно втягивая воздух широкими ноздрями.

– Мы что, попали не туда? – нахмурился Драгис.

– Нет, – ответил Бык, – это Козляндия, но что-то здесь не так. Я не узнаю... воздух!

Анджелика, между тем, не узнавала местность. Собственно, в гостях у Козауры, она видела только замок Рогелло Бодакулы и густой лес вокруг него. Сейчас они тоже были в лесу, только это больше походило на заросший молодняком пустырь или осушенное болото.

– Мы чуток промахнулись, – ворчливо проговорил Фиг. – Высадились в «Пауканской пустоши».

Бык под Анжеликой вздрогнул.

– Звучит зловеще, – сказал Драгис. – Это опасно?

– Очень! – вздохнул Бык.

– Нет, если не влезем в паутину, – заявил всё знающий Фигольчик.

Паутину они вскоре увидели. Она была натянута между деревьев и кустов в несколько слоёв, иногда представляя собой подобие толстой подушки, в основе которой была небольшая берёзовая или осиновая рощица.

Вскоре путешественники поняли, что передвигаться, не задевая сооружения из нитей и канатов, смазанных невысыхающим клеем, чрезвычайно трудно. Нет, невозможно!

– Здесь проживает разновидность крупных пауков, некоторые из которых достигают очень больших размеров, – чи-

тал лекцию Фиг, явно наслаждаясь своими познаниями.

– Каких именно? – спросил Драгис и сунул руки в карманы, где у него были пистолеты.

– Лично я знаком с одним, выросшим с крупную свинью, – ответил Фиг, – но слышал, что некоторые особи могут вырастать размером с быка.

– Унга размером с микроавтобус, – вставила Анджелика. – А сэр Арахнус был с крупного кота, когда мы встретились в последний раз. Правда, до этого он был меньше.

Теперь вздрогнул Драгис.

– Повторяю – бояться нечего! – беспечно пропел Фигольчик. – Здешние пауки вне паутины не охотятся...

Не успев договорить эту очевидную истину, он споткнулся и полетел кубарем прямо в кусты, затянутые живописной сетью. Драгис рванулся его подхватить, но не успел и великий знаток особенностей местной фауны, влип в самую середину ловчей сети «безопасных пауков».

Трудно сказать, кто взревел сильнее – перепуганный Бык или вчерашний гангстер, Граната Фигольчик! Пытаясь спасти друга, Быкович поддел паутину рогами и рванул с силой, способной опрокинуть крупный автомобиль. В результате он полностью вырвал куст с клубком паутины, в который превратился завывавший от ужаса Фиг. Всё это прочно намоталось Быку на рога, от чего даже глаза его оказались заклеенными. Бык взревел ещё громче, и стало понятно, что он на самом деле испуган!

Опасаясь, что её друг вот-вот начнёт биться, Анджелика соскочила на землю, в то время, как Драся прилагал отчаянные усилия, чтобы оторвать одного перепуганного приятеля от другого. В конце концов, он влип в эту паутину сам, и теперь банда Фигольчика/Драговски оказалась склеенной не хуже сиамских близнецов!

Трудно сказать, чем кончилось бы дело, если бы обезумевший Бык начал биться, но тут Анджелика, едва не сорвав голос, крикнула:

– Стойте!

Склеенная троица от неожиданности замерла, как «морская фигура» в детской игре – «Море волнуется».

– Во-первых, прекратите орать, а то у меня от вашего крика голова раскалывается! – потребовала девушка. – Во-вторых, никто вас не укусит, потому что паучка в этой паутине нет. Вот он где!

Анджелика нагнулась и вытащила из под копыт Быковича «паучка», размером с двухмесячного котёнка.

– Бедненький! – сказала она, поглаживая поджавшего лапки паука, словно он и вправду был котёнком. – Сломали твой домик, самого чуть не раздавили, и орут, как сумасшедшие! Но ничего, ты сплетёшь себе новый домик, лучше прежнего. А вы, стойте, не двигайтесь – сейчас я вас освобожу!

Первым делом Анджелика отнесла паука на свободный куст, после чего взяла своё двустороннее копьё и начала аккуратно вырезать залипших в паутину друзей золотым нако-

нечником. На это ушло целых полчаса, потому что действовать приходилось осторожно – копьё, хоть и неплохо рассекло прочнейшие толстые нити, но всё же старалось ущипнуть кого-нибудь из пленников, хотя бы искрой.

– Как ты его не боишься в руки брать? – спросил Фиг, тщетно старавшийся стряхнуть с себя клочья паутины, когда смог самостоятельно двигаться.

– А, после сэра Арахнуса и Унги я ничего не боюсь! – пожал плечами Анджелика.

– Неплохо бы поскорее покинуть это место, – предположил Драгис, костюм которого выглядел не лучше, чем у остальных.

– Это можно сделать, – вздохнул Бык. – Только ближайшая граница «Пауканской пустоши», проходит, как раз по опушке «Запретного леса», а там ещё хуже, чем здесь.

– Ну, не то, чтобы хуже, – задумчиво проговорил Фиг. – Там можно идти несколько дней, и не встретить ничего особенного...

– А потом в один миг тебя сожрёт сухопутный осьминог или розовая плесень, – фыркнул Бык. – Туда даже пауки не суются. Раньше, говорят, там драконы водились...

Он вдруг осёкся и виновато взглянул на Драгиса.

– А сейчас? – спросил тот заинтересованно.

– Сейчас нет, – ответил за друга Фиг. – Самых последних уничтожил граф Рогелло Бодакула, когда был молодым.

Драгис невольно потрогал шрам на груди, оставленный

рыцарским мечом и не желавший исчезать даже после нескольких трансформаций.

– В любом случае, – сказал он, – лучше столкнуться с сильным противником в открытом бою, чем путаться в паутине из которой можно не найти выхода. Пойдём к вашему «Запретному лесу».

Возражений на его слова не последовало.

Глава 3. От книг одни несчастья!

Злинда (*вытирая слёзы*): Так и есть, падре Микаэль, в библиотеку они вошли, но оттуда не вышли! Ох, недаром моя матушка говорила, что от книг этих, одни несчастья...

Мик: Успокойтесь, дочь моя, и не вините книги. Несчастья люди причиняют себе сами, и чаще всего не посредством книг, а ввиду собственного своего невежества. Но, прошу вас – расскажите всё по порядку.

Злинда: Вот я и говорю – приходят к нам сэр Барбарус и миссис Фоллиана вчера утречком, и в библиотеку просятся. Осмотреть, говорят, хотим, оценить по-достоинству, эту, как её? Книжную коллекцию семейства Злордов! Так и сказали, а у самих глазёнки-то блестят, и друг на друга никак не налюбуются. Ну, думаю, знаем мы, как вы там коллекцию осматривать будете! Только, это ж дело молодое и благое для супругов-то... Ой, вы, пожалуйста, простите меня, бабу непутёвую, падре Микаэль! Болтаю я вечно всякое...

Мик: Ничего страшного, дочь моя! Продолжайте, пожалуйста.

Злинда: Так вот, проводила я их, сердечных, значит, в библиотеку, и дверь за ними затворила, но неплотно... Только вы не подумайте, падре Микаэль, это я не из любопытства нескромного, а, чтобы услышать, когда позовут. Вдруг понадобится что-нибудь? В общем, решила я быть неподалёку, чтобы сразу прийти, как позовут. Смахиваю себе пыль с мебели в гостиной, которая с библиотекой смежная, слушаю, как они там внутри разговаривают... Только вы опять не подумайте, падре Микаэль, я не подслушивала! Подслушивать, это, когда специально под дверью засядешь, и ухо к замочной скважине или к щели приложишь. А я не подслушивала, я работала, делом своим занималась, за которое жалование получаю!..

Мик: Хорошо, хорошо, дочь моя! Так что же вы услышали, тогда, э-э, не подслушивая?

Злинда: А ничего такого я не услышала, святой отец, я ведь не слушала специально. Сначала они вроде как про библиотеку что-то говорили, потом шутить друг с другом начали, как это у любовников бывает, потом целовались. А потом упало у них что-то, кажется книга какая-то. Они снова заговорили, всё про эту книгу, а потом... Я даже не знаю, как это объяснить, да рассказать? Хлопнуло там у них, словно пробку из бутылки вытащили. Но я удивилась тогда – откуда они бутылку-то взяли? Не было у них с собой никакой

бутылки, и в библиотеке тоже никаких бутылок не было, уж я-то знаю! Я даже пыль смахивать перестала, так меня удивило всё это! Вот, стою я, значит, слушаю, в руках смётка, а в библиотеке-то – тишина! Ни тебе слова или там вздоха, какого, ни шагов, ни шороха... Тишина мёртвая!.. Постояла я немного, да подошла к двери, послушала. А тишина, как была, так и дальше осталась, что в твоём погребё! Да ведь в погребё не так – мыши пищат, вода капает, дух хозяйского предка за перегородкой скребётся, а тут, прям как могила, аж уши заболели! Тогда я возьми и постучи. Нет ответа! Я ещё постучала, послушала, да и вошла в библиотку-то, а там... Страх-то, какой!

Мик: Что же там было страшного?

Злинда: В том-то и дело, что ничего там не было. Ничего и никого! А ведь из библиотеки нет другого выхода. И окна все закрыты намертво – замки на них попортились, чинить надо, а сейчас, не сломав, не откроешь. Гляжу и диву даюсь, а у самой мурашки по спине так и бегают, так и бегают! Пропали они, сердечные, совсем пропали!словно утащил кто. Я уж всё там обыскала, да только ничего не нашла. Все книги на месте стояли, а под табличкой дарственной, представляете? Туфельки миссис Фоллианы, небрежно брошенные! Куда же она босиком-то отправилась?! Я вот думаю, что её вместе с мужем какое-то чудовище там утащило!..

(плачет, упав на грудь падре Микаэля)

Мик: Ну, что вы, дочь моя? Какое здесь может быть чудовище? Лучше скажите – нет ли в библиотеке какого-нибудь потайного хода?

Злинда *(переставая плакать, но всё ещё хлюпая носом):* Я и сама об этом думала, падре Микаэль! В замках вечно такого добра полно бывает, но только про библиотеку ничего такого слышно не было. Злорд, когда молодой был, её всю облазил – сокровища предка своего искал, а они вон – совсем в другом месте оказались. Я ведь как думаю? Если даже наша парочка что-то такое нашла, то зачем им сквозь тот ход сбегать-то? Чтобы меня удивить, что ли? А туфли миссис Фоллиана, зачем оставила? Что за мода такая – по всяким потайным ходам, да подвалам босиком бегать? Без ног чтобы остаться? Нет, падре Микаэль, нет там никакого хода, а просто утащил их кто-то! Вот увидите, я права окажусь.

Мик: Не будем что-то утверждать заранее. Мне потребуется самому всё там осмотреть. Будьте любезны, дочь моя, проводите меня в библиотеку!

Злинда: Ой, не ходите туда, падре Микаэль! Вдруг чудовище и вас утащит?

Мик: Всё в руках Божьих, дочь моя! Но я не боюсь чудовищ и думаю, что здесь ни одно из них, не причём. Поэтому, прошу вас – не будем терять времени, ведь возможно наши друзья нуждаются в помощи!

Злинда: Как вам будет угодно, падре Микаэль! Но... Я, наверное, подожду вас снаружи? Там, э-э, у меня уборка не закончена!

Мик: Конечно, милая девушка! Уборку обязательно надо закончить, а в библиотеке я справлюсь один.

Злинда: Простите, падре Микаэль, но мне очень страшно!

Мик: Не беспокойтесь, Злинда, но, пожалуйста, пойдёте!

.....

Мик (*один; оглядывает полки с книгами*): Действительно, богатая библиотека. Что ни книга, то редкое издание! Многие мне вообще неизвестны, и даже непонятно, где печатались. Словно это книги из другого мира... Впрочем, чему я удивляюсь? Вполне возможно, что так оно и есть. Ведь мой мир, по отношению к этому миру и есть – «другой мир»!

Сеньорита Анджелика происходит из ещё одного мира, а сеньор Драгис ещё из одного. И мне совершенно неясно, какому миру принадлежит сеньора Фоллиана. Только с капитаном Барбарусом мы земляки...

(Позади него раздаётся хлопок, Мик оборачивается и видит лежащую на полу раскрытую книгу)

Непорядок! Видимо её небрежно поставили на полку.

(Подбирает книгу и рассматривает страницу)

Это, что, пьеса? Ах, нет, это либретто для музыкального произведения!

(Читает с выражением)

Город прекрасный!

Город счастливый!

Моря царица –

Веденец славный!

(Грохот, сопровождаемый ослепительной вспышкой. Книга-либретто падает на пол; библиотека совершенно пуста, через пару минут дверь приоткрывается и внутрь робко заглядывает Злинда)

Злинда *(одна)*: Падре Микаэль? Вы здесь, святой отец? Нет! Его здесь нет! Исчез, как и те двое. Я же говорила... Что теперь делать? Сообщить Злосе? Ага, чтобы она тоже исчезла! Скажу, что священник был, но ушёл, а куда пойдёт не сказал. А библиотеку мы закроем! Больше здесь никто не

исчезнет. Понадобится – замок сломаю! Так вот...

Глава 4. Козлик мой!..

– Неужели тебе не интересно побывать на родине предков?

– Интересно. Но, видишь ли, Фолли, я боюсь...

– Боишься? Ты?

– Представь себе, я тоже умею бояться.

– Прости! Я не хотела тебя обидеть. Но, что же такого страшного в том мире, чего нельзя встретить в других мирах?

– Фолли, дело не в этом. Просто я всю жизнь тяготился тем, что я наполовину... козёл!

Фоллиана весело посмотрела на него, но воздержалась от смеха, взяла его лицо руками и проговорила, как можно мягче:

– Мне ты нравишься таким, каков ты есть! Это совершенно неважно, кто ты, э-э, наполовину.

Барбарус засмеялся и нежно притянул её к себе.

– Ты одна такая на белом свете!

Фоллиана сузила глаза, и лицо её стало хитреньким.

– Но ведь ты говорил, что твои, э-м-м, козлиные свойства нравились девушкам и до меня? – сказала она, прижимаясь к нему ещё плотнее.

– Их привлекала экзотика! – ответил Барбарус с задумчивой улыбкой. – Так, некоторых любительниц острых ощущение

ний привлекает уродство, которое большинству кажется отвратительным. Догадайся, насколько мне было приятно сознать подобную «привлекательность»? Видишь ли, Фолли, мне с детства внушалось, что моя козлиная часть, это недостаток, который требуется скрывать. Вот я и скрывал копыта в ботфортах, а рога под шлемом. Хорошо ещё, что рога у меня небольшие, а руки человеческие, а то бы врядли получилось дожить до зрелого возраста.

– Но ведь окружающие всё равно знали об этих твоих особенностях?

– Знали, – вздохнул Барбарус. – Но, одно дело знать, а другое – видеть воочию. «Дурная слава» била по нервам, особенно в детстве и подростковом возрасте, но она же помогла мне в будущем. Репутация «нечистой силы» на службе у Великого инквизитора, заставляла бояться и граждан, и разбойников, и подчинённых. В результате меня слушались беспрекословно, и в девяти случаях из десяти бросали оружие при появлении моего отряда, предпочитая сдаться в плен. С той же целью я имитировал непонятный иностранный акцент и не совсем человеческое поведение. Редко кто осмеливался вступить в схватку со мной и моими людьми! Такой противник был либо чрезвычайно глуп и переоценивал свои силы, либо обладал исключительной доблестью, вызывающей уважение.

– Ты мой непобедимый герой!

– Это так, но однажды твой «непобедимый герой» был по-

беждён таким противником, которого сперва не воспринял всерьёз.

– Ты про принцессу Анджелику?

– Да, про неё и про её невысказанную команду. Они ухитрились опрокинуть меня аж четыре раза!

– Как это?

– Первый раз был самым непочтенным. Это случилось, когда я впервые увидел ведьму в странной одежде, летающую над городом. С ведьмами, обитающими в горах, у нас было вполне официальное и взаимовыгодное соглашение – они обязались не появляться в пределах города и его окрестностях, а мы не делали в горах карательных рейдов, закрывали глаза на тайные ритуалы, если они не касались людей, и всякое такое. Поэтому я, как капитан стражи, считал своим долгом арестовать нарушительницу. Признаюсь – я проявил несообразительность. Надо было сразу обратить внимание на детали, ясно показывающие необычность ситуации. «Наши» ведьмы летали обнажёнными, а эта девушка была одета и без метлы. Кроме того, она была явно сбита с толку, напугана и дезориентирована. Когда к утру, она засела на колокольне собора, то, похоже, застряла там, не в силах ни улететь, ни спуститься вниз. Увы, я тогда проявил тупоголовое упрямство. То, что на самом деле было растерянностью, я принял за злой умысел и действовал с помощью устрашения там, где всего можно было добиться, ну, лаской, что ли? Мне надо было очистить площадь от зевак, уговорить девушку не

двигаться, вызвать верхолазов, организовать доставку длинных лестниц и всё в таком же духе. Вместо этого я угрожал, запугивал и даже приказал своим людям стрелять. Не на поражение, а для острастки, так-как думал, что это отрезвляюще подействует на «обнаглевшую ведьму». А тут ещё появились добровольные помощники из тех, что любят добить того, кого уже бьют и утопить того, кто уже тонет. Они забрались на крышу соседнего дома и обстреляли принцессу из охотничьих луков, решив, что раз она ведьма, то в неё можно стрелять.

– А принцесса Анджелика действительно ведьма?

– Моя матушка говорила, что – да. Только она необученная, непосвящённая ведьма. Ведьма по природе! Но обладает при этом такой огромной силой, какая сопоставима с мощностью самой королевы ведьм. Кстати, она какая-то пра-праправнучка этой королевы.

– Ничего себе!

– Да, но тогда никто об этом не знал, в том числе и она сама. Эх, мне бы надо было тогда согнать тех дураков с крыши! Ведьма принцесса или нет, но тогда её спасло только то, что ретивые мещанчики совершенно не умели стрелять. Но тут события повернулись совершенно неожиданным образом, потому что к ней на помощь прилетел дракон!

– Представляю, как там все перепугались!

– Это верно. А я перепугался, едва не больше всех, так-как подумал, что он сейчас начнёт громить город! И он дей-

ствительно кое-что сделал.

– Что именно?

– Нагадил нам на головы, после того, как я приказал дать по нему залп из арбалетов. Уделал всю площадь! Это потом я понял, что с нами поступили гуманно. Если бы тогда принцесса приказала своему другу напасть, он оставил бы от моего отряда, от меня самого и от всей толпы, лишь кучки пепла, которые пришлось бы собирать веником на совок. А так, будущий мистер Драговски, выразил нам своё глубочайшее презрение, забрал подружку и «сделал крылья» в сторону гор.

– Надо же! А ведь я долгое время думала, что это метафора, когда слышала, как его называют драконом.

– Нет, это его истинная сущность. В общем, тогда я получил от них в первый раз и страшно обозлился при этом, а потому, когда удалось, благодаря фискальному доносу, арестовать эту пару в городе, вёл себя грубо и жестоко. Тогда и падре Микаэль попал под раздачу, хоть и был виновен лишь в том, что провёл обряд крещения над тем, кто захотел принять христианство. Правда, этот кто-то, по-сути, был не человеком, хоть и выглядел к тому времени, как человек. Но у меня был приказ Великого инквизитора, и я его достойно выполнил. И получил тогда ещё раз, только уже по-настоящему! Едва не погиб, а многие стражники и почти все судебские отдали Богу душу. Сам Великий Инквизитор попал в плен.

– Это снова сделал дракон Драговски?

– Это сделали они вместе – он и его принцесса. Дело в том, что когда их арестовывали, то они боялись один за другого, справедливо полагая, что сопротивление одного нанесёт другому вред. Когда же их вывели на суд и показали друг другу, то результат работы инквизиторских вертухаев, взбеленил сначала дракона в человеческом теле, и он пошёл молотить направо и налево всех подряд. А когда на него набросились, очнулась принцесса, которая, оказывается в драке может быть пострашнее своего дружка! Короче говоря, они тогда набили кучу народа, разнесли собор, прихватили с собой падре Микаэля и Великого Инквизитора, и удрали, вылетев сквозь выбитый витраж. Так меня побили вторично.

– А в третий раз?

– Это случилось через несколько месяцев. Я горел желанием отомстить, а ещё хотел вернуть Великого Инквизитора, без которого в городе начались беспорядки. Долго я искал их логово, а нашёл с помощью ведьм, с которыми у принцессы Анджелики вышла война. Тогда сотни ведьм были уничтожены.

– Что же это за смертоносная принцесса такая?

– Ты помнишь рассказ хозяина замка? Загадка этой принцессы, есть тайна для неё самой. Но тогда я всё ещё думал, что имею дело с обычной, хоть и очень сильной ведьмой. Если бы я сам не был сыном ведьмы, врядли мне бы удалось добиться хоть чего-нибудь. Но я пришёл и встал на пороге

их пещеры с оружием в руках. И опоздал! Великий Инквизитор был уже выброшен в другой мир, а принцесса вместе со своим консортом собрались куда-то отправиться с помощью магии. У меня был ещё шанс достать их мушкетной пулей, но между ними и мной встал падре Микаэль с мечом и крестом в руках.

– Вы дрались?

– Да. И это было непросто! Падре Микаэль серьёзный противник, хоть он давно уже не так быстр и силён, как когда-то. Дело в том, что задолго до меня капитаном стражи и верным человеком Великого Инквизитора был он.

– Никогда бы не подумала!

– И, тем не менее, это так. Наш бой происходил среди хаоса катастрофы. Не знаю, что именно её вызвало – порванный артефакт в руках принцессы и её жениха, или моя пуля, попавшая в какое-то магическое зеркало. Помню только, что в этой кутерьме быстро смешались понятия верха и низа, света и тени, прошлого и настоящего. Мы парили в какой-то мешанине, но продолжали сражаться, нанося друг другу тяжкие удары, и ни один не мог одолеть другого. Потом всё смешалось окончательно, и я потерял сознание, а когда очнулся, то был уже в другом мире, а у ног моих лежал падре Микаэль, не подававший признаков жизни. Он бы наверно умер, но я дотащил его до ближайшей лечебницы, которую нашёл по запаху, так-как иначе ни за что бы, не догадался, что это за здание. Я ведь вообще тогда не разбирался в аспектах мест-

ной жизни.

– Ты поступил благородно!

– Не очень. Фактически, я бросил его там, на произвол судьбы, понадеявшись на милосердие окружающих, которое простирается, как правило, не очень далеко. Оправданием мне может служить только то, что я сам в том мире был чужим, без дома, без средств к существованию и не знал местных законов и обычаев. Но я справился. Сначала жил на деньги вырученные от продажи своего оружия и доспехов, которыми заинтересовался местный антиквар. (Видел их потом в Архиве Конгресса. Этот жулик продал их туда за сумму в двадцать раз большую, чем заплатил мне!) После батрачил за городом на ферме, потом нанялся в охрану, сначала просто сторожем, а после телохранителем. Потом поступил в полицию, и тогда встретил падре Микаэля снова. Он потерял память и жил тем, что нищенствовал в городском парке и его окрестностях. Представь себе – бомж Мик доставил мне немало хлопот! Он не желал принять помощь ни от одного благотворительного общества, не хотел перебираться на окраину, где мог найти себе комнату и посильную работу. Что бы я не делал, он всегда возвращался обратно и залезал в какую-то щель между стеной дома, киоском и газетной тумбой. Я разрывался между жалостью, подкреплённой почтением к старику, продолжавшему бессознательно читать проходим проповеди и презрением к пьянице и безобразнику, которым он стал. Ненависть, заставлявшая нас сражаться не

на жизнь, а на смерть, к тому времени угасла и даже как-то забылась. Передо мной был просто опустившийся человек, которого я знал когда-то почтенным и уважаемым, но теперь не мог помочь ему ни чем. Более того – я обязан был избавиться приличное общество, желавшее приятно провести время в парке, от неудобств, связанных с его присутствием. В конце концов, я выселил его насильно, и в тот же вечер меня сшиб трамвай. Так я потерпел поражение от команды принцессы Анджелики в третий раз.

– Да? Но причём здесь она?

– Она их связующая сила, без неё они тоскуют и страдают, вокруг неё вращаются. Так что удар передком трамвая я получил тоже от неё, хоть она этого не знала, не желала и об этом не думала. И поделом получил... Плата за недалёковидность.

– И тогда ты основал секту Святого Мика? Я видела статую в храме!

– Я? О, нет, меня не настолько сильно стукнуло! Падре Микаэль, конечно, святой человек, но кто я такой, чтобы создавать религиозное учение? В появлении Секты Святого Мика, лично я подозреваю своего соседа по палате в больнице, где лежал после того происшествия. Странный был типчик! Если бы я не знал, что это не так, то подумал бы, что Великий Инквизитор решил надо мной пошутить, потому что это был вылитый дон Дульери или брат его – гангстер Граната Фигольчик.

– А причём здесь Великий Инквизитор?

– Я тебе не рассказывал? Он и дон Дульери, это одно и то же лицо. Иначе я никогда не связался бы ни с какой мафией. Меня тогда комиссовали из полиции на половинной пенсии за ранение, полученное в быту, хотя я был как раз на дежурстве, но эти бюрократы... Я мог бы прожить на эти полпенсии или наняться снова в сторожа, ведь я давно хотел иметь побольше времени, чтобы засесть за книги, чего не мог позволить себе все эти годы. Правда, когда я, наконец, исполнил свою мечту, то встретил в архиве Конгресса тебя!

– Ах, так? Значит, я тебе помешала?

– Да! И я счастлив, что ты это сделала! Я люблю книги, но ты мне нравишься больше!

– Это самый лучший и самый изысканный комплимент, который я слышала в жизни! Но ты не дорассказал. Так что это был за сосед по палате?

– Как я уже говорил, странный типус. На физиономию похож, на дону Дульери и на Гранату Фигольчика, как брат близнец, но манеры совсем иные. Очень умён, начитан и любознателен, но смешлив и большой любитель подурачиться, словно дитя малое! Он тогда у меня много чего про Мика расспрашивал. Конечно, я не всё ему рассказал, но и того хватило бы на приличный роман.

– Как же вышло, что ты стал работать на дону Дульери?

– Я очень многим ему обязан. Именно он вырастил меня таким, каков я есть, когда сам он был Великим Инквизито-

ром. Сыграло роль и то, что делать мне тогда было нечего. Я, правда, не входил тогда в его «семью», но состоял на особом положении, как доверенное лицо дона. Вот тогда-то мне досталось ещё разок от принцессы Анджелики! На сей раз через Гранату Фигольчика. Это было во время знаменитой катастрофы с небоскрёбом «Пирамида».

– Я читала об этом, но папа говорит, что журналисты всё врут, потому что на самом деле никто ничего не видел.

– Я тоже видел далеко не всё, так-как выбыл во втором из трёх актов. Если кратко, то банда Фигольчика/Драговски оказалась в наших руках благодаря ведьмам, которыми командовала моя матушка. Прославленные защитники обиженных, втроём уложили несколько десятков лучших стрелков дона Дульери, но оказались бессильными против магии. Дон тогда вёл себя странно – притащил пленников на верхушку «Пирамиды» и приказал на их глазах разбить кувалдой изображение, очень напоминающее принцессу Анджелику. Может быть она действительно служила моделью для того барельефа, настолько девушка убегавшая от неведомого преследователя на нём была похожа на неё. Я мог бы это засвидетельствовать, потому что разглядел оригинал со всех сторон в подробностях и в обнажённом виде. Фолли, не красней от ревности! В моём родном мире не было фотографии, а потому арестованных ведьм рассматривали во всех деталях, до единой родинки, и всё увиденное заносили в протокол. Я был свидетелем десятков таких описаний. Так вот, дону Ду-

льери по вполне понятным причинам была ненавистна и она, и её изображение, и вся её компания. Поэтому он приказал барельеф разбить, хоть это и было варварством. Однако всё вышло не так. Удар был нанесён, и изображение треснуло, но это вызвало отчаянное напряжение у пленённого магическими лучами Драгиса Драговски, так что сдержать его в одиночку не смогла бы ни одна ведьма. Тогда та, что держала Быковича, ослабила хватку, чтобы присоединить свои силы для удержания более опасного противника. Но тут неожиданно вырвался сам Быкович, который смёл меня не хуже того трамвая! Пока я приходил в себя, случилось нечто такое, что могут объяснить лишь учёные, вроде падре Микаэля. Трещина, пересекавшая изображение принцессы, вдруг расширилась, разошлась на расстояние вроде городских ворот, и из пролома вышла сама принцесса, только в образе огромной самки дракона!

Надо ли говорить, как я был зол?! К тому же драконесса, увидев, в каком положении находятся её жених и друзья, пришла в ярость и сожгла всех людей Дульери, чудом пощадив его самого! Так что я отчасти благодарен Быковичу, иначе бы сам превратился в кучку пепла. Но в тот момент я жаждал мести! При мне была вертлюжная пушка, принадлежавшая прежде банде Фигольчика/Драговски. Её-то я и направил в грудь принцессе-драконессе...

Моей целью, правда было не её уничтожение, а желание вызвать ярость Драгиса Драговски, чтобы сразиться с ним,

но когда принцесса упала, ко мне на площадку спустился не он, а Граната Фигольчик. И тут я потерпел самое постыдное поражение в своей жизни – брат дона Дульери вырубил меня ударом, от которого я едва не остался способен, лишь на платоническую любовь. Вот так я потерпел четвёртое, и, надеюсь, последнее поражение со стороны невероятной принцессы и группировки собравшейся вокруг неё.

– Ей повезло, что там не было меня! – проговорила Фоллиана, недобро осклабясь. – Не знаю, что бы я стала делать, но её высочеству не поздоровилось бы!

– В этом я не сомневаюсь! – улыбнулся капитан Барбарус. – Но мне бы хотелось прекратить эту вражду, ведь даже дон Дульери, по словам хозяина этого замка, заключил с её партией, не то перемирие, не то длительное мирное соглашение. А если мы поможем принцессе сейчас, то это положит начало мирной жизни...

– Я за мирную жизнь! – воскликнула Фоллиана. – Во время мира не горят библиотеки, и человечество не шагает назад, как обезумевшее стадо. Но ты всё равно боишься туда отправиться?

– С тобой я ничего не боюсь! – сказал с улыбкой капитан Барбарус. – Но... Всё же опасаясь, что там, на родине предков надо мной может возобладать моя козлиная сущность, как в мире людей доминирует человеческая.

Фоллиана несколько секунд смотрела на него с недоумением, а потом весело расхохоталась, после чего обвила его

шею руками.

– Козлик мой! – ласково прошептала она мужу на ухо. –
Но ведь это же интересно!..

Глава 5. Небольшой промах

Дорога, змеившаяся по краю леса, не имела покрытия, но выглядела наезженной, как те, что Анджелика видела на даче у родителей. В самой этой дороге не было ничего удивительного, но она представляла собой странную границу между Запретным лесом и Пауканской пустошью.

Дойдя до обочины, путешественники встали, и некоторое время разглядывали дорогу, не решаясь ступить на неё, словно это была река с пираньями.

– Я уж думал, что здесь совсем дикие места, – проговорил Драгис. – В лучшем случае, огороды и пастбища. Эта дорога куда-нибудь ведёт?

– Никуда она не ведёт, – вздохнул Бык. – Дорога эта проложена неизвестно кем по краю леса. Въездов-выездов на неё с внешней стороны несколько, а с внутренней только один, но он открывается лишь раз в год.

– Открывается?

– Да, – продолжил за товарища Фигольчик. – Именно открывается, причём, самым необычным способом – лес расступается в обе стороны, открывая прямую аллею до самого замка герцогов Менских. Говорят, что это натворил кто-то из древних чародеев, но он явно перестарался. Дело в том, что путь до замка, даже по-прямой, неблизкий, но пройти его можно только пешком. Точнее – пробежать, потому что

дорога открывается лишь на пятнадцать минут. Бежать надо со спринтерской скоростью на стайерскую дистанцию, а это редко кому удаётся. Козаура, правда проделывала такие штуки, когда они с Меном женихались, но это ведь Козаура! Она одна такая в своём роде.

– Почему же нельзя там проехать? – не унимался Драгис.

– Моторы глохнут, – усмехнулся Фигольчик. – Даже идеально отрегулированные. Думаешь, не было попыток? Там по пути к замку раскидано немало всякой техники. Дорогие автомобили, которые герцоги Менские желали иметь в своём распоряжении. Тягачи-вездеходы, которые эти автомобили пытались потом вытащить. Даже пара танков. Всё бесполезно! Дунда, и та не справилась, а она такой механик, который ещё в юности заставлял самовары летать!

– Му! Ты ещё расскажи, кто при этом был пилотом! – вставил Бык.

– А ведь мы видели! – улыбнулся Драся, а Анджелика кивнула. – Самоварный краник не самое удобное сидение, не правда ли?

У Быка и Фигольчика упали челюсти.

– Так значит, дракон, и всадница на его спине мне тогда не померещились? – слабым голосом проговорил Фиг.

– Поверь, встреча с тобой в облаках, для меня тоже была своего рода шоком! – рассмеялась Анджелика, положив руку Фигу на плечо.

– Кажется, едет кто-то? – сказал Драся, прислушавшись. –

Точно – машина!

Друзья немного посторонились, чтобы дать побольше места, приближающемуся автомобилю, а вскоре он сам показался из-за поворота.

– Что за?

Фиг не договорил, прижал ладони к глазам и застонал, как от приступа головной боли!

Автомобиль, вынырнувший из-за поворота, представлял собой машину с открытым верхом, белоснежную и отполированную до блеска. За рулём этого шикарного транспортного средства сидел крупный... волк, похожий на персонаж детского мультика. Рядом с ним на пассажирском сидении помещалась молоденькая бурая козочка, смахивающая на девочку-подростка, нарядно, но немного неряшливо одетая. На заднем сидении расположились молодожёны – молодой стройный козлик в изящном чёрном фраке и белоснежная коза в белом свадебном платье с фатой и большим букетом свежего салата.

Анджелика радостно пискнула и подалась вперёд, но Бык мягко ткнул её в локоть своим большим влажным носом, и с печальным вздохом покачал головой. Автомобиль проехал мимо, и все кто в нём сидел, с интересом, но без узнавания посмотрели в сторону компании, стоявшей на обочине. Через несколько секунд машина снова скрылась за поворотом.

– Но...

Анджелика посмотрела на своих друзей и до неё начало

доходить. Вот только поверить в эту нелепость как-то сразу не получалось!

Драся, сообразивший, что, что-то не так, упёр руки в бока и спросил:

– Что происходит?

– А то, что мы попали не туда, куда надо! – проговорил Бык, пожав плечами. – То есть, место то самое, но время перепутано. Те, что «Белом Ангеле», то есть в машине, что сейчас проехала, это Мен и Козаура, а ещё Дунда и Волк – друг дома. Козаура с Меном только что поженились и поехали кататься, а мы их дома ждём, столы накрываем... В общем, мы в Козляндии за десять лет до того, как Анджелика познакомилась с Козаурой Менской.

Драгис присвистнул.

– Но ведь это означает, – сказал он, – что сейчас мы можем отправиться на свадьбу к этой вашей Козауре?

– Нет, не можем, – ответил Фиг с каким-то отчаянием.

– Но почему? – не поняла Анджелика.

– Потому что тогда в одном месте нас окажется по двое – два Фига, два Быка, – пояснил Фигольчик. – Да и вас в их прошлом не было!

Анджелика грустно повесила голову.

– Вот что значат эти слова в золотом письме Козауры, – сказала она. – «Когда встретишь нас в первый раз – ничего нам о себе не говори». А я уже размечталась о свадебном торте!

– Нда, на свадьбе нам не погулять! – усмехнулся Драгис, похлопав себя по пустому животу. – А жаль!

– Действительно жаль! – подтвердил Фиг. – Свадьба была замечательная. Они так любили друг друга!

– Любили? – удивилась Анджелика. – А сейчас?

– А сейчас они просто друзья, хоть по-прежнему считаются супругами. Ты же общалась с ними тогда, когда вы пытались извлечь нас из трещины? Они, что, ничего тебе не рассказали?

– Наверно, не посчитали нужным, – сказал Бык. – Но ты бы и сама могла догадаться!

Анджелика едва не хлопнула себя по лбу. Конечно, это не её дело, но ведь всё очевидно – Козаура живёт отдельно, четверо их с мужем детей воспитываются в доме отца, которого тогда привезла в замок Рогелло Бодакулы...

– Дунда? – спросила девушка, для которой удивительным здесь было лишь то, что между козами творится такая же ерунда, как между людьми.

– Да, – ответил Фиг. – Хорошо ещё обошлось без скандала. Ведь всё-таки лучшие подруги!

– Но как он мог?!

– Он? Нет, это наша Козаура плохо подходит для семейной жизни. Вечно её дома нет, вечно у неё дела... А он – живое существо, не мебель. Они фактически расстались, ещё до того, как сошлись Мен и Дунда. Козаура даже обрадовалась, когда узнала, что её муж и подруга вместе. Всё же не

чужие! Так что в итоге всё сложилось к лучшему.

– Пусть так, вмешался Драгис, – но что теперь делать нам?

– Я не буду знакомить тебя с Кристой! – крикнула Анджелика.

– Я не об этом! – рассмеялся дракон. – Куда нам теперь идти, и как выбираться отсюда, раз нам тут не место?

– Я думаю, что у нас теперь только один путь, – заявил Фиг. – Надо добраться до замка Рогелло Бодакулы и воспользоваться зеркалом в его подвале.

– Но ведь оно с трещиной! – возразила Анджелика.

– Подумай, принцесса! – улыбнулся мудрый всезнайка. – Мы же сейчас за десять лет до того, как эта трещина появилась. Так что зеркало в порядке, и сможет перенести нас, куда следует. Гораздо лучше, чем не до конца расшифрованный трактат профессора Прыска!

Глава 6. Ты ещё маленькая!..

Злося: Злуш, ты-то мне не будешь врать, как сивый мерин?

Злуша: Что ты, Злось, не буду! А как врёт сивый мерин?

Злося: В точности, как Злинда!

Злуша: Ух, ты! А Злинда-то, как врёт?

Злося: А Злинда врёт, что падре Микаэль вчера здесь побывал, а потом ушёл куда-то и больше не возвращался.

Злуша: Ну, это она точно врёт, потому что падре Микаэль пришёл вчера, и они со Злиндой вместе пошли в библиотеку. А вот вернулась оттуда Злинда одна – глаза на лбу, сама вся трясётся! Выпила у меня здоровенную кружку эля, а потом и говорит мне – рассказывай, дескать, всем, что падре Микаэль после библиотеки обратно к Злоскервилям отправился. Только не уходил он! Ой...

Злося: Спасибо, Злуш! Я знала, что ты мне врать не станешь. Да ты и не умеешь, проста-душа!

Злуша: Только ты Злинде не говори, что это я тебе сказала, а то она меня со свету сживёт!

Злося: Не бойся, я не скажу!

(берёт в руки кочергу)

Злуша: А зачем тебе кочерга?

Злося: Дверь в библиотеку ломать! Злинда мне ключи не даёт, сама врёт...

Злуша: Как сивый мерин?

Злося: В точности, как он! Вот я дверь в библиотеку и поломаю. Ведь надо же выяснить, куда Фоллиана с Барбарусом, а потом и падре Микаэль, пропали?

Злуша: Может и надо, да только страшно-то как! Злинда про чудище какое-то рассказывает, которое в библиотеке обитает и всех ест!

Злося: Вот я и говорю, что Злинда врёт...

Злуша: Как сивый мерин!

Злося: Точно! Но я всё равно её люблю, врушку! И тебя люблю, простая моя и хорошая! А за меня не бойся – если что, у меня вот это с собой!

(грозно потрясает кочергой, от чего Злуша испуганно всплескивает руками)

Ну, я пошла! Учти – вернусь голодная. У тебя есть что-нибудь вкусенькое на ужин?

Злуша: Ч-черничный пирог!

Злинда: Нет, не то! Хочу солёного. Селёдка есть?

Злуша: Не-а... Во! Огурцы есть солёненькие, бочковые!

Злося: Подойдёт! Дай один сейчас.

Злуша: Вот, держи!

(даёт ей огурец)

Злося: Спасибо, подруга! Бывай до вечера!

(откусывает огурец и уходит)

Злуша (одна): Ишь ты – Аника-воин, побежала! Я туда по доброй воле ни ногой, а она, как барыней стала... Нет, Злоська всегда храбрая была и смешливая. Только вот – малоежка. Вечно её лишний кусок съесть, не уговоришь, хоть

сказки, как младенцу рассказывай! А теперь вот селёдку ей подавай, да огурец...

(всплескивает руками и некоторое время стоит, вытирает глаза и прикрыв ладонью, открывшийся рот)

Ой, детка!..

.....

Злося *(входит в библиотеку, доедая на ходу огурец)*: Все-го делов-то! Стоило эту дверь чуть поддеть и никакого ключа не надо! Так, что тут происходит?

(ставит кочергу в угол, облизывает пальцы, в которых был зажат огурец, потом вытирает о передник)

Отличные у Злуши огурцы, надо было взять два!

(оглядывается)

Та-ак, что тут у нас? Вроде всё на месте, и в такой чистоте, будто сегодня тоже уборку делали. Прямо, не похоже, что здесь кто-то побывал...

(Книга, лежавшая на полке поверх остальных, соскальзывает и падает на стол прямо перед ней)

Злося: Ай! Что это ещё за шутки? Сэр Злорик, это случайно не ваших рук дело?

(снова берётся за кочергу)

Злорик Медная Голова *(из-под пресс-папье)*: У-у-у-у!

Помогите!

Злося: Я так и знала! Вылезайте немедленно, мерзкий призрак, и прекратите ваши безобразия!

Злорик Медная Голова: Не могу-у!

Злося: Что вы там ещё не можете?

Злорик Медная Голова: Не могу вылезти! Умоляю – уберите эту гирию! Спешите!

Злося *(с удивлением)*: Какую ещё гирию? Вот эту что ли?
(приподнимает пресс-папье)

Злорик Медная Голова *(предстаёт перед ней в полный рост, как бы заполняя собой всё помещение, так что Злося даже отступает на шаг)*: Благодарю, великодушная леди!

Злося: Ишь ты! «Великодушная леди»! А кто вечно норовил ущипнуть меня за попу, когда я подметала в комнатах Зледи?

Злорик медная Голова: Злосье, это ты что ли? А чой-то ты, как барыня пахнешь?

Злося (*с улыбкой*): А я и есть теперь барыня – леди Злоскервиль! Съел?

Злорик Медная Голова: Ух, ты, поздравляю! Я-то думал тебя Злорду просватать в полюбовницы. Решил – ты девка здоровая, может, хоть ты ему наследника родишь? А ты вон, куда как умнее оказалась! Ну что ж, это хорошо, ведь Злоскервиль мне тоже потомок, хоть и по девчачьей линии. А за попу извиняй, больно уж она у тебя аппетитная!..

Злося (*замахивается кочергой*): Ну, хватит! Имейте совесть, сэр Злорик. Я пришла сюда не ваши сальности выслушивать, а выяснить, куда пропала моя новая подруга вместе со своим мужем, и наш добрый священник – падре Микаэль? Уж не ваших ли это призрачных рук дело?

Злорик Медная Голова: Моих? Грех тебе, Злось! Отродясь я такими делами не занимался... То есть, как помер, так не занимался, а при жизни бывало – имал людишек в походе, для продажи в основном. Я ведь был зликинг короля Злольгельма Зловоевателя. Но здесь не баловался, нет! Меня, вишь – самого гирькой придавили.

Злося (*взвешивая на ладони пресс-папье*): И это вы называете гирькой? Стыдитесь, сэр Злорик!

Злорик Медная Голова: Так на ней же священная печать! Мне не важны её вес и размеры, но со священной печатью, будь она, хоть с камушек, песчинку или комариное крылышко, для меня это груз неподъёмный! Но тебе ведь не понять этого. Вот поживёшь с моё! То есть, когда помрёшь...

Злося: Большой вам призрачный типун на язык, сэр Злорик! Скажите лучше, где мои друзья?

Злорик Медная Голова: Могу сказать только то, что они исчезли здесь. Мне ничего не было видно оттуда из-под гирьки, но я многое слышал.

Злося: И что же вы слышали, сэр Злорик?

Злорик Медная Голова: Сначала пара всё собиралась заняться любовью, но, сколько я ни ждал, они так ничего и не сделали. Только говорили-говорили, а потом что-то – «Вж-жж-шпок!», и тишина! Потом священник пришёл их искать. Я думал, Злинда его здесь соблазнять станет. А что? Место в самый раз, он мужчина ещё в силе, а она... Ну, ты знаешь! Но Злинда струсила и всё ждала, когда он выйдет отсюда. А он всё не выходил и перебирал книги, пока снова, «Вж-жж-шпок!» не случился.

Злося: Но что же произошло?

Злорик Медная Голова: Наверняка не знаю, но похоже на действие какого-то артефакта.

Злося: Чего? Какого ещё артефакта-артефукта? Здесь только книги! Вот, например, книга, которая только что на стол с полки упала. Старая какая! Название почти стёрлось.

(напряжённно всматривается в название книги)

«История нечестивого и развратного злярла, именем...»

Ух, ты! Интересно!

(открывает книгу)

Злорик Медная Голова: Злосенька, не надо тебе этого читать! Ты же маленькая ещё...

(Раздаётся хлопок; вспышка света; всё помещение наполняется странным туманом, а когда он рассеивается, становится видно, что библиотека пуста, а все книги стоят на месте)

Глава 7. Подружитесь, если не убьёте друг друга

– Может быть, всё-таки возьмёшь мои сапоги?

– И что я буду с ними делать? Залезу обеими ногами в один и так стану прыгать, а второй понесу в зубах?

– Почему в зубах?

– Потому что так смешнее!

Барбарус действительно рассмеялся. Это было удивительно – он оказывается, совершенно не знал Фоллиану! Впрочем, не он один. Похоже, её вообще никто не знал, потому что никто её по-настоящему не видел. То есть, люди, конечно, видели её, но не давали себе труда рассмотреть, так-как сразу решали, что тут смотреть не на что.

И действительно, девушка-библиотекарь, во-первых, полностью переняла умение своего отца отводить глаза и быть незаметной, а, во-вторых, специально прикидывалась «синим чулком», и одевалась соответственно, чтобы оградить себя от излишнего внимания.

Зачем это было нужно? Кто знает! Барбарус тешил себя надеждой, что его возлюбленная сознательно избегала временных связей и даже лёгкого флирта, в ожидании настоящей любви. А это значило, что она ждала его!..

Да, именно он сумел разглядеть за крепостными стенами

созданного ею образа, подлинную красавицу, имеющую весёлый нрав и живой темперамент юной девушки! (На самом деле он не знал, сколько ей лет. Фоллиана была человеком во всех отношениях, но вот её происхождение было странным, почти необъяснимым с человеческой точки зрения. Нет, он не спрашивал напрямую о том, сколько ей лет от роду, не желая тревожить обычный женский комплекс, но по нескольким случайно оброненным фразам понял, что сроки жизни этой девушки иные. Похоже, здесь следовало считать возраст не годами, а эпохами! В конце концов, он решил воспринимать возлюбленную такой, какой он её видел – девицей от двадцати, до двадцати пяти лет от роду. Фоллиана выглядела и вела себя, как раз соответственно этому возрасту, вот только периодически обнаруживала начитанность, которой позавидовали бы десяток столетних мудрецов!)

– Но, может, если напихать внутрь тряпок, то они станут тебе по размеру? – не сдавался Барбарус, имея в виду свои сапоги.

– И буду я тогда ходить, как слон в галошах! – ответила Фоллиана, и тут же изобразила предполагаемую походку «слона в галошах», крепко припечатывая дорожную пыль босыми ногами.

Это вышло до того смешно, что капитан Барбарус снова едва не покатился от хохота! И всё же он чувствовал себя виноватым в том, что они оказались настолько неподготовленными к походу. Как он мог быть таким беспечным? Что

стоило позаботиться о минимуме для выживания, который легко уместился бы в небольшой сумке? Будучи на службе у Великого Инквизитора, он шагу не сделал бы за пределы города без такого запаса. Даже выполняя поручения дона Дульери, связанные с дальними поездками, он брал с собой небольшой чемоданчик или саквояж, легко вмещавшийся в багажнике любого автомобиля, в котором лежали бритвенные принадлежности, смена белья, небольшой запас продуктов, который можно было растянуть на два дня, аптечка, набор для разжигания костра, охотничий нож и запасной пистолет с двумя дополнительными магазинами.

Всё это осталось там, в его квартире, устроенной матерью в каком-то из небольших миров, куда никто не мог добраться, кроме него. Когда он услышал призыв Фоллианы в последний раз, то не предполагал, что окажется втянутым в мир «Злопесьи», а потому не догадался взять на свидание «тревожный чемоданчик».

Это было поправимо, когда бурные события в замке Злорда и поместье Злоскервиля завершились двумя свадьбами. Но именно из-за этого Барбарус расслабился.

Что стоило ему попросить у симпатяги и доброго сеньора Злоскервиля, один из пистолетов, которым увешаны стены в рыцарском зале его помещичьего дома? Отказа не последовало бы – сэр Злоскервиль, щедр до расточительности! Но в том мире всё, что было мало-мальски опасно для человеческой жизни, удирало от капитана Барбаруса, как от огня, и

это заставило его потерять бдительность.

В первые же дни после свадьбы, они с Фоллианой завели привычку гулять по здешним лесам, в которых не было комаров, а белок и оленей можно было кормить с руки. Какие там пистолеты? Барбарус и шпагу не брал бы с собой, если бы она не составляла часть его духовной сущности. (Без этого оружия он чувствовал себя хуже, чем раздетый догола на глазах улюлюкающей толпы.)

И вот теперь, расплатой за его беспечность было то, что они с Фоллианой оказались на дороге ведущей неизвестно куда, имея только одежду, которая была на них, совершенно без припасов, и, не имея ни малейшего представления о том, что им делать, если ночь застанет их в дороге. Ко всему прочему, туфли Фоллианы остались в библиотеке замка Злорда, а все попытки Барбаруса надеть на неё свои сапоги, встречали лишь шуточный отказ.

– Не волнуйся, милый! – говорила его жена, обвинив шею капитана руками. – Я к этому привычная – когда не надо выходить к читателям, я по книжному хранилищу только босиком и бегаю! Отец, правда, ругается, но я делаю, как хочу, потому что мне так легче и удобнее – каблуки не стучат и на стеллажи забираться легче!

Это было сущей правдой. Они с Фоллианой так и познакомились, но это случилось не в хранилище, а в зале каталогов, куда Барбарус заглянул за какой-то справкой. Столик дежурного библиографа пустовал, но капитан, умевший поль-

зоваться библиотечным каталогом, не расстроился. Главное, чтобы его не прогнали, ведь в библиотечном хозяйстве, которое кажется простым только людям непосвящённым, существует масса условностей, которые даже сами библиотекари не в состоянии объяснить. В частности, в таких крупных библиотеках, как Архив Конгресса, почему-то читателям недоступна значительная часть каталога, имеющегося фонда. Если в эту запретную часть случайно попадёт кто-то из посторонних, поднимается буря!

Прикинув, что ящик с нужной ему карточкой находится где-то в середине, похожего на макет города, каталога, Барбарус свернул с главного «проспекта», разделяющего два ряда каталожных шкафов, и чуть не налетел на стремянку, стоящую в проходе. Он сумел вовремя затормозить, но встал, как вкопанный, потому что прямо перед собой увидел две обнажённые девичьи ножки с аккуратно подстриженными и ухоженными розовыми ноготками.

В чём, в чём, а в этом, капитан знал толк! Правда, в последнее время с женщинами у него было неважно. Да, в его распоряжении всегда были две смуглокожие, черноволосые, зеленоглазые ведьмочки – подручные его матери. Грех жаловаться – они были немногословны, страстны, очаровательно развратны, опытные, а к тому же обладали яркой фантазией и изобретательностью. Близость с мужчинами приносила им бесценную энергию и подлинное наслаждение, а потому не было речи, о том, что кто-то «заставляет бедных девушек

заниматься непотребством против их воли»! Как правило, Барбарус звал к себе их обеих, и они втроём устраивали фेरические празднества любви!

Однако любой ценитель понимает, что человеку этого совершенно недостаточно. Вроде того, как слишком долго питаться одним и тем же любимым блюдом, пусть даже оно исключительного качества. Рано или поздно приесться до отвращения. И дело было вовсе не в разнообразии женщин. При желании Барбарус мог найти в городе немало приключений на свою рогатую голову!

Суть была не в том, чтобы менять брюнеток на блондинок или гибких стройных куколок на аппетитных пышек. Когда у капитана стражи завязывались отношения с очередной любовницей, то это не ограничивалось одной только постелью. Ему было интересно заглянуть в душу женщине, которая поделила с ним часть жизни. Далекое не всегда такой опыт был удачен, но в таком случае, близкое знакомство с женщинами невысоких душевных и умственных качеств, продолжалось недолго и завершалось безболезненно. В других же случаях связь с девами высоких достоинств, пополняла сокровищницу его собственной души, и он бережно хранил память о драгоценном времени, проведённом вместе с ними.

Это ещё не было любовью в высоком смысле этого слова, но это было то, что необходимо живому человеку, как существу от природы коллективному и наделённому тонкими деликатными чувствами...

Оцепенение бывалого вояки при виде женских ножек совершенной формы, длилось лишь долю секунды. Сверху раздался испуганный крик, стремянка дрогнула и... он едва успел подставить руки!

Фоллиану нельзя было назвать крупной, но худышкой она тоже не была. Впоследствии Барбарус определял её, как девушку «в теле», как раз таких пропорций, которые считаются идеалом женской красоты. Правда, тогда он был рад, что его мышцы не потеряли силу, а сухожилия эластичность, так как этот идеал свалился на него с высоты двух метров.

Некоторое время они смотрели друг на друга, потом девушка, вдруг засмушалась, покраснела, как свёкла и стала беспомощно озираться по сторонам, как кошка, которая, сидя на руках, желает спрыгнуть, но слишком хорошо воспитана, чтобы вырываться, применяя силу. Тогда Барбарус бережно усадил её в мягкое кресло, стоявшее здесь же, и с улыбкой осведомился, не ушиблась ли она, хоть сам чувствовал, что заработал лёгкое растяжение. Девушка покраснела ещё больше, но поблагодарила его за спасение, что было истинной правдой, хоть виновником испуга из-за которого она оступилась, был тоже он.

Барбарус не забыл ещё, как должен вести себя с дамой настоящий кабальеро, и, хоть его новая знакомая больше напоминала очаровательную крестьяночку, чем утончённую сеньориту, поспешил рассыпаться в любезностях, и вскоре был вознаграждён – девушка перестала смущаться, заулыбалась

и отвечала уже не односложно.

В результате они проболтали до полуночи, когда Архив давно пора было закрыть. На следующий день он нашёл Фоллиану в её обычном маскарадном виде – а-ля «синий чулок», и украдкой вздохнул о том, что её волосы, собранные в пучок, не распущены, а ножки закованы в грубые башмаки, достойные портового грузчика. Но это не помешало им завести непринуждённую беседу, благо читателей в Архиве было совсем немного.

И опять они заболтались за полночь! Это повторилось на следующий день, а потом ещё и ещё, а через неделю «неприступная библиотечная вобла», растрёпанная и счастливая, целовалась со своим возлюбленным, всё там же, между шкафов карточного каталога, где состоялось их первое знакомство.

Всем кто не верит в любовь с первого взгляда, говорю смело – она есть! Даже более того – именно такой она и бывает, просто люди не сразу признаются себе, что влюблены. Фоллиана тогда жалела только об одном, что из-за вполне объяснимой робости, она пропустила целую неделю сладчайших моментов жизни! А ещё через пару недель она пожалела кое о чём, ещё более существенном.

По какой-то причине Фоллиана не могла выходить в город. То есть, эта причина была очевидна – она обеспечивала работу Архива конгресса и отвечала за его сохранность. Барбарусу было неясно одно – почему девушка занимается

этим в одиночку? На его вопросы по этому поводу, она отвечала, что присматривает здесь за всем, потому что её отец в отъезде. Ясности такой ответ не прибавил, но Барбарус решил не наседавать с вопросами.

Однако девушку совершенно не тяготило её положение – узницы и коменданта крепости одновременно. Библиотечный мир был её вселенной, а Архив Конгресса сходил за целое государство, где она обладала безграничной властью.

Ко всему прочему, из-за странной политики государства, решившего наступить на горло собственной науке и образованию, читальные залы Архива стояли пустыми, а обслуживание редких посетителей занимало совсем мало времени. Это давало влюблённым больше возможности общаться друг с другом днём, а вскоре оба сообразили, что нет никаких препятствий для того чтобы встречаться ночью.

Ночные пикники в хранилище самых редких и ценных книг собрания Архива Конгресса, придумала устраивать именно Фоллиана. Она же обеспечила им большой матрас, скатерть, пледы и подушки. Меню угощений и напитков Барбарус целиком взял на себя, и не ошибся – Фоллиана призналась, что совершенно не умеет готовить, а всю жизнь питается тем, что может предложить посетителям библиотечный буфет.

Это было восхитительно! Благодаря устройству, которое попало в руки Барбаруса во время взрыва пещеры Чародея, он имел доступ к погребам и кухням Великого Инквизито-

ра. (Путешествовать в другие места с помощью незнакомого прибора он пока не решался.) При этом для чудо-сундушка с прозрачным дном не существовало ни пространственных, ни временных препятствий. Барбарус прекрасно знал, что Великий Инквизитор всегда любил поесть, а в дни его, Барбаруса, юности его стол отличался большим разнообразием, чем в последнее время. А потому он целенаправленно наведывался на кухню в преддверии одного грандиозного пира, который помнил с детства. Угрызений совести по этому поводу он не испытывал – казначейство кое-что было должно ему по жалованию, пусть это и случилось в последующие годы.

Невиданные фрукты из сада его матушки дополнили их стол, и Фоллиана пришла от них в совершенный восторг! Предполагалось, что после трапезы они читают стихи, которые нравились обоим, но случилось иначе.

Несмотря на обилие вкусовых, съели они немного, потому что вскоре выяснилось, что им ничего не нужно! Ни фрукты, ни изысканные яства, ни даже стихи... Им нужны были только они сами и больше никто и ничто во всех обозримых Вселенных!

И тогда свершилось то, что на самом деле является священнодействием, вопреки ошибочному мнению тех, кто пытается угодить Создателю с помощью каких-то символов, обрядов и молитвенных зазываний. И сошлось, предназначенное сойтись, и вскрикнула Невинность, заплатив выкуп бо-

лю за право животворящей силы, и упали на белоснежное покрывало капли священной крови...

Хоть Барбарус не подал вида, он был крайне изумлён девственностью своей подруги, в которой справедливо подозревал скрытые таланты неистойой вакханки. Познав за свою жизнь множество женщин, он не привык к девственницам, встречал их крайне редко, и чаще всего, узнав такую интимную подробность заранее, прекращал ухаживание, чтобы не осложнять жизнь той, с кем не собирался оставаться навсегда.

Предрассудков общества, служака, привыкший к компании маркитанток и трактирных девиц, не разделял, справедливо считая, что достоинство женщины заключается в чём-то большем, чем сопротивление собственной природе до произнесения каких-то слов и производства каких-то записей.

Теперь в его объятиях лежала та, к которой он испытывал чувства ранее неведомые. Фоллиана притягивала его к себе, заслоняла собой весь мир. Она доверила ему драгоценность первой любви, доверила сознательно, ведь она была кем угодно, только не наивной девочкой, не ведающей, что творит.

Когда их страсть утихла, он признался ей в своём удивлении и спросил, не жалеет ли она о том, что они сделали? И получил неожиданный ответ:

– Я жалею лишь о том, – прошептала ему на ухо возлюб-

ленная, прижавшись к своему любовнику всем телом, что медлила столько времени! Ведь я хотела тебя уже тогда, когда ты поймал меня при падении со стремянки.

Конечно, в этом была своего рода бравада. Их роман и так развивался быстро и бурно, даже быстрее, чем это случалось с ним обычно. Но в том-то и дело, что это был совсем не обычный случай.

Теперь они почти не расставались. Даже появление в Архиве Конгресса, вернувшегося откуда-то отца Фоллианы, не помешало их встречам. Помешало другое.

Как-то раз, отлучившись ненадолго в свою межпространственную квартиру, Барбарус узнал, что в Архиве Конгресса снова появились читатели. Сначала он не придал этому большого значения – читатели бывали здесь и раньше, причём в иные дни их доходило до десятка, что впрочем, не было обременительно для Фоллианы и не мешало влюблённым. Но если раньше это были полудикие вузовские профессора, решившие от бескормицы заменить пищу телесную пищей духовной, а также некоторое количество «извращенцев», не желающих быть «как все» и поддерживать прогрессивную линию правительства по уничтожению вредных излишних знаний и образования, то теперь сюда явились совершенно неожиданные люди.

Барбарус едва успел отступить за колонну, чтобы не столкнуться с теми, кто был вправе при встрече с ним схватиться за оружие. Банда Фигольчика/Драговски, неожидан-

но потянувшаяся к сокровищам, спрятанным за тиснёными обложками, проследовала в читальный зал в двух шагах от прикрывшегося теневой сетью капитана. Это укрытие позволяло ему становиться почти невидимым для глаз обычного человека. Но те, кто пришёл сегодня в Архив не были обычными людьми.

Барбарус увидел, как Драговски помедлил на долю секунды и уже начал поворачивать голову в его направлении, но тут к нему обратился третий из их компании, кого Барбарус поначалу принял за Быковича. Но это был не Быкович. Человек этот был такого же плотного сложения, но намного ниже ростом и старше годами, что чувствовалось в его походке. Когда же капитан взглянул в его лицо, то рот открыл от изумления. Перед ним предстал ни кто иной, как падре Микаэль, явно пришедший в себя и уже совершенно не похожий на бомжа Мика!

Это было проблемой. Дело даже не в том, что всем присутствующим и даже отсутствующему Быковичу было, за что ненавидеть капитана Барбаруса, а в том, что для них для всех, в том числе и для падре Микаэля, его теневая сеть была, всё равно, что прозрачное стекло! А потому, взгляни любой из них прямо туда, где стоял их вчерашний враг, драки, было бы не избежать.

Продолжать вражду с этими господами у Барбаруса не было ни причины, ни желания. Но идти на мировую он тоже не хотел. Ему бы просто не поверили! Драговски имел полное

право жаждать крови того, кто дважды стрелял в его девушку. Его даже сам Барбарус не мог за это упрекнуть, ведь он тоже не помиловал бы того, кто причинил вред Фоллиане.

Посоветовавшись с возлюбленной, он тогда решил не появляться в Архиве днём, тем более что её отец, прознавший про их связь, поднял грозный рык и изъявлял желание сделать с влюблёнными что-то нехорошее. Барбарус вовсе не боялся ни загадочного Библиотекаря, ни банду Фигольчика/Драговски, но он не хотел, чтобы от их конфликта пострадала Фоллиана. Правда, Драгис и Фигольчик не часто появлялись в читальном зале Архива, где падре Микаэль принялся за серьёзные поиски, но даже ему попадаться на глаза капитан не хотел.

И тогда они с Фоллианой придумали способ, с помощью которого его, Барбаруса, можно было вызвать, откуда угодно. Это была техника призыва, смахивающая на ведьмовской ритуал. В этом действе было своё особое очарование. Теперь Фоллиана встречала его каждый раз обнажённая, с распущенными волосами, стоя в центре пентаграммы среди магических свечей. Ни дать, ни взять – колдунья, призывающая дьявола! Они оба откровенно смеялись над этим сравнением, тем более что внешне Барбарус походил на чёрта более чем кто-либо другой. По этому поводу они оба не раз шутили, но сначала Фоллиана удивила его тем, что не испугалась ни рогов, ни копыт, а нашла их очаровательными!

– Просто я знаю, как выглядят настоящие черти, – сказала

она. – И могу с уверенностью сказать, что у них нет ничего подобного.

– Как же они выглядят? – поинтересовался Барбарус, который никогда чертей не видел.

– Точно так же как ангелы Света, – ответила Фоллиана. – Только они тёмные. Не внешне. Сверкать и сиять они могут не хуже, но темнота у них внутри. Это не видится глазом, а скорее чувствуется.

Капитан не стал уточнять, откуда у его возлюбленной такие познания. Скорее всего, из книг, но может не только из одних книг. Захочет – сама расскажет, а пока он просто поверил её словам, не требуя никаких доказательств. Ведь это высшее наслаждение, верить тому, кого любишь! Если человек принимает на веру такие слова, как – «Я люблю тебя!», то разве может он сомневаться в других утверждениях того, кому поверил в столь важном деле?

Итак, их свидания продолжались теперь по ночам, и начинались они, конечно же, с любви, так-как сам ритуал призыва заводил обоих. Иногда это продолжалось всю ночь, и не было конца их ласкам, так-как оба были молоды и чрезвычайно сильны. Времени больше ни на что не хватало, но они не жалели об этом, справедливо считая, что любовь это главное счастье, которое им дано, и грех отменять или откладывать её ради чего-то другого. Всё шло своим чередом, и они с Фоллианой уже мечтали о том, как заведут собственную библиотеку, (инога места обитания девушка не представля-

ла), когда случилось происшествие, перевернувшее всё с ног на голову.

Однажды Барбарус услышал слова призыва, прозвучавшие в его ушах сладчайшей музыкой. Наскоро одевшись и прицепив к перевязи добрый клинок, он радостно отправился в путь, размышляя лишь об одном – что его ненаглядная, воистину, неумоима, как любовница. Она сама признавалась, что от недосыпания может быть рассеянной весь день, но всё равно с нетерпением ждёт встречи и мечтает о новом свидании.

Межмировой туман, что на самом деле твёрже базальта, понемногу рассеивался, и Барбарус уже видел фигуру Фоллианы, протягивающей к нему руки, как вдруг девушка сделала какое-то резкое движение, в глазах капитана что-то полыхнуло, как от взрыва бочонка с порохом, потом был удар...

Он очнулся на незнакомой лесной поляне, и с первого взгляда понял, что очутился в незнакомом ему мире, в котором Фоллианы не было...

.....

Сейчас он шёл немножко сзади. Просто так было удобней любоваться ладной фигуркой своей молодой жены и её стройными ножками, которые он так любил. Её действительно ничуть не смущала перспектива пройти весь путь босиком. Он и до этого знал, что Фоллиана необыкновенно вынослива при всей своей женственности. А последние собы-

тия показали, что она ещё и бесстрашна, хоть и не проявляет задатки воительницы, которыми наделена вопреки своей хрупкости, принцесса Анджелика.

Как всё изменилось! Они прошли через разлуку, войну и приключения, а, в конце концов, падре Микаэль, который считался его недругом, обвенчал их. Теперь судьба привела молодых супругов в совершенно фантастическое место, где им надлежало выполнить некое поручение, после которого действительно можно было бы построить библиотеку не меньше Архива Конгресса и жить в ней, припеваючи! Поручение это дал им хозяин Колдовского замка, и было оно таким же необычным и загадочным, как и он сам.

– Мне крайне неудобно утруждать вас в деле, которое касается исправления моих собственных ошибок, – говорил он тогда в удивительной круглой комнате, являвшейся на самом деле центром мега-библиотеки, – но поверьте – награда того стоит. Кроме того, это примирит вас с теми, кто в противном случае будет представлять для вас опасность всю оставшуюся жизнь.

– Вы имеете в виду банду Фигольчика/Драговски? – решил уточнить капитан Барбарус.

– Совершенно верно, – подтвердил загадочный «монах». – Только сейчас к их компании присоединилась принцесса Анджелика, а потому они для вас намного опаснее, чем раньше, так-как при любом раскладе сил будут защищать друг друга и стоять до конца. Это очень важно иметь в виду, так-

как при встрече они, конечно, постараются вас убить.

– В таком случае я пойду туда один! – сказал капитан Барбарус, невольно поправляя перевязь со шпагой.

– Увы, но это невозможно! – улыбнулся из-под капюшона «монах». – Теперь вы с леди Фоллианой составляете единое целое, и разделять вас нельзя.

– Но...

– Я понимаю ваши сомнения, – перебил его хозяин. – Да, вы не можете ходить с женой на войну, и не можете брать её на службу, если вам ещё доведётся где-то служить. Также во время дуэли, буде такая состоится, присутствие жены противопоказано и даже смертельно опасно. Но вам придётся рискнуть, иначе вы её больше никогда не увидите.

– То есть как?!

– Я объясню. Как бы мне ни было приятно видеть вас у себя в гостях, но это наша первая и последняя встреча. Почему? Слишком долго объяснять, но наши пути лежат отдельно. Увы, у меня даже нет возможности и времени, чтобы показать вам свой замок, а здесь есть на что посмотреть. Так что, выйдя отсюда, вы обратно уже не вернётесь. Конечно, я мог бы оставить вас у себя насовсем, но это вас врядли устроит, ведь вы собирались заняться строительством собственной жизни. Есть вариант – оставить здесь мисс Фоллиану, ведь ей всегда найдётся место в моих библиотечных вселенных. Но, в таком случае, вы будете навсегда разлучены, так-как обратной дороги вам нет, а я не смогу отправить её

к вам, ведь ваш след успеет потеряться среди миров.

– Но я предпочту знать, что она жива, чем подвергнуть смертельной опасности, – нахмурился Барбарус.

– Нет! – чуть не выкрикнула Фоллиана. – Я никогда на такое не соглашусь! Мы выживем или умрём вместе.

– Иного я и не ожидал! – снова улыбнулся «монах». – Надеюсь, что у вас всё получится, ведь речь идёт ни о том, чтобы победить или проиграть в схватке с врагом, а о том, чтобы договориться миром и подружиться со вчерашними недругами. При этом лучше вообще не обнажать оружие, а возможно даже придётся стерпеть то, от чего любой идалго сразу схватится за меч.

– Я стражник! – заявил капитан Барбарус. – Терпение необходимое свойство для моей службы.

– Я библиотекарь! – также серьёзно проговорила Фоллиана. – Терпение составляет часть моего ремесла.

– Вот и прекрасно! – подытожил «монах». – Теперь я гораздо меньше беспокоюсь за вас и больше уверен в благополучном исходе дела.

– Но в чём, собственно, оно заключается? – поинтересовался капитан.

– Не дать компании ваших знакомых зайти в Запретный лес. А если это не удастся, то последовать за ними и уговорить вернуться. Правда, последний вариант сам по себе опасен.

– Всего-то? – удивилась Фоллиана. – Я думала, задание

будет сложнее.

– Поверьте, оно достаточно сложное, – внушительно проговорил хозяин замка. – Самое главное – начать диалог до того, как в вас начнут стрелять.

– Вот как?

– Но это ещё не самое неприятное. Есть кое-что пострашнее пуль, хоть Драгис Драговски, как и Фигольчик, отличные стрелки.

– Что же это такое?

– Гнев принцессы. В последний раз он унёс жизни нескольких тысяч человек, хоть сама Анджелика в этом не была виновата.

Барбарус крепко ругнулся вполголоса.

– Я бы эту принцессу!.. – прошипела Фоллиана, сузив глаза.

– Я уверен, что бы подружитесь, если не успеете испепелить друг друга!

Глава 8. Верхом на самоваре!

– Пошли прямо сейчас?

– Нет, так мы пересечём его в самом широком месте. Надо пройти основательно на юг, и тогда нам удастся срезать путь там, где лес вдаётся далеко в кактусовые заросли.

– Кактусовые заросли? Здесь растут кактусы?

– Ещё как растут! А всё из-за того, что многие козы необдуманно брали в дом по несколько кактусов сразу.

– Но зачем?

– Видишь ли...

Бык ненадолго задумался, словно прикидывая выдавать или не выдавать некую особую тайну. Наконец, он решился:

– Дело в том, что козы, как и люди, разводят цветы на окнах. Но в том-то и дело, что козы не люди. Для них цветы, это еда. Поэтому не каждая герань доживает до взрослого состояния, особенно там, где есть козлята. Вот они и придумали, разводить кактусы, которые для коз несъедобны. Но проблема оказалась в том, что кактусы имеют свойство быстро размножаться. Их некуда стало девать, вот козы и начали их высаживать, так сказать, на свободные земли. Иными словами, на пустырь, где ничего съедобного не росло. В результате, многие кактусы прижились, расплодились и теперь это небольшая проблема для Козляндии. Кактусовые заросли угрожают сельскому хозяйству, основанному здесь на капу-

сте, и даже теснят леса.

– Только не Запретный лес! – вставил Фиг свою реплику в их разговор.

– Послушайте, а нельзя ли этот лес вообще обойти вокруг? Как сейчас – по дороге? – поинтересовался Драгис.

Фиг с Быком переглянулись и рассмеялись этому, казалось бы, логичному предложению.

– Почему нельзя, можно! – ответил Бык и, повернувшись, подмигнул сидевшей у него на копчике Анджелике. – Две недели ходу и мы выйдем в нужное место! А там ещё две недели лесами, полями...

Драгис присвистнул.

– По прямой и то путь неблизкий, – добавил Фиг. – Можно было бы не рисковать, но у нас просто припасов не хватит. Чем питаться будем? Пауками?

– А в запретном лесу, чем будем питаться? – спросила Анджелика. – Припасов нам хватит едва на неделю, да и то, если жить впроголодь.

– В Запретном лесу, – пояснил Фиг терпеливо, – редко что растёт несъедобное. Там даже мухоморы съедобны. Там мы себе дополнительных припасов наберём, главное, чтобы нас самих не съели.

На том и порешили. На юг, так на юг. По дороге, так по дороге. Беда была в одном – это путешествие становилось скучным. Сначала они разговаривали, но обсуждать недавние события было тяжело, вспоминать прошлые приключе-

ния ненамного легче, а строить планы на будущее, как показала жизнь – дело неблагодарное. В итоге все замолчали, и двигались дальше погружённые в свои мысли, по большей части невесёлые.

От этого их компания напоминала теперь группу бродяг присоединившихся к траурной процессии в надежде на дармовое угощение. Не хватало только катафалка с гробом ползущего впереди под фальшивые звуки оркестра.

Первой не выдержала Анджелика. Сейчас она снова ехала на Быке, но от его размеренного шага её начало клонить в сон. Она даже попробовала лечь на спину друга, но так было неудобно держать копьё, да и скатиться на землю, если уснёшь, ничего не стоило.

– Фиг! Фигушка! – позвала она вдруг сонным и каким-то детским голосом.

– Что? Что случилось?

Друзья обернулись на неё все разом, словно она позвала на помощь.

– Да нет же, ничего не случилось! – улыбнулась Анджелика. – Просто мне скучно, вот я и подумала – может, ты расскажешь что-нибудь про Козу?

Услышав такую просьбу, Фиг сначала нахмурился, но тут же улыбнулся во всю ширь своего лица.

– Почему бы нет? – весело воскликнул он. – Уж кому-кому, а нам есть, что порассказать о Козе, ведь жизнь у неё никогда не была скучной!

Бык в ответ хохотнул и согласно фыркнул.

– Только вот даже не знаю, какое из наших замечательных приключений выбрать? – задумался Фиг. – Их было столько...

– Расскажи, как летал на самоваре! – оживилась Анжелика, и тут же почувствовала, что Бык под ней слегка вздрогнул.

– Ага, точно! Расскажи про это, – мукнул Бык, а Фиг почему-то покраснел, как спелый томат.

– Ну, что ж, – сказал он, разведя руками. – Назвался, как говорится, груздем... В общем, слушайте!

.....

Рассказ прославленного гангстера Гранаты Фигольчика, известного также, как Фиглориус Фигolini по прозвищу – Фиг

Над городом поднималась кровавая заря... Впрочем, дело было не в городе, а в деревне, и не на заре, а среди дня.

Настроение с утра у Козауры было меланхолическое. Кажется, это так называется, когда чувствуешь себя, как пыльным мешком стукнутой, и ничего не хочется.

Но, хочется – не хочется, а работу по саду-огороду никто не отменял. Надо было поливать капусту, и неплохо было бы подвязать заранее ветви у яблонь, обещавших дать в этом

году неплохой урожай. И в доме стоило бы обратиться...

Коза заставила себя вылезти из кресла, где дремала, свернувшись калачиком, встряхнулась, подошла к платяному шкафу и постучала в дверцу.

– Фиг, проснись, уже день на дворе!

Изнутри раздалось невнятное ворчание и звук, как будто кто-то перевернулся на другой бок.

– Давай, вставай! – сказала Коза громче. – Я завтракать собираюсь. Если через десять минут не придёшь, так и знай – капустные блинчики все съем сама!

В шкафу что-то подпрыгнуло и обвалилось. Через пару секунд дверцы его распахнулись, и оттуда вывалился ком перепутанной одежды, который беспорядочно дёргался и глухо ругался литературными выражениями.

Коза вздохнула и принялась выпутывать друга из собственного своего белья, состоявшего в основном из лифчиков для вымени и какого-то количества нахвостников.

– Опять полку сорвал? – спросила Козаура, когда голова Фига, (или то, что должно было считаться его головой), вынырнула наружу, и на неё виновато уставились два огромных выпуклых глаза.

– Угу! – был ей ответ, полный раскаяния.

– Говорила тебе – за полку не хватайся, когда встаёшь. Нельзя на ней подтягиваться! Я её вчера полвечера на место приспособливала, а ты... Эх, ты!

Коза замахнулась копытом, как бы собираясь дать подза-

тыльник, Фиг зажмурился, но удара не последовало. Вместо этого она с ловкостью опытного разгадывателя головоломок освободила незадачливого приятеля от оставшихся тряпок, скомкала их обратно в один шар и запихала в шкаф.

– Потом разберусь! – сказала она. – Надо будет Волка попросить полку приладить, а то кое у кого руки не из того места растут!

– Не у меня одного!.. – обижено парировал Фиг.

– Ха! Мне можно – я девушка! – ответила Коза, подбоченившись. – Не женское это дело – полки чинить!

– Давай я снова попробую!

– Ну, нет уж! Я не хочу, чтобы кое-кто, как в прошлый раз, шкаф развалил. Лучше уж подождём Волка. А ты, пойдика, полей капусту, пока я ветки у яблонь повязывать буду.

– Хм-м, – глубокомысленно хмыкнул Фиг. – Судя по звуку, Бык уже поливает капусту. И ставлю пару блинчиков против одной морковной котлеты, что ветви у яблонь он тоже подвязал!

– Похоже, ты выиграл свою котлету, – согласилась Коза-ура, выглядывая в окно. – Только справедливее было бы отдать её Быку, ведь это он трудится!

– Ради него и стараюсь! – заявил Фиг. – Сам я эти котлеты не люблю, так что мне лучше пару дополнительных блинчиков!

– В таком случае иди – ставь самовар, – распорядилась Коза. – А я пока собираю на стол.

– Самовар? – удивился Фиг. – Но самовар-то зачем? С утра чайника бы хватило...

– Какое утро? Взгляни на часы – обедать пора!

Это была сушая правда. К тому же острые спазмы в желудке, вызванные голодом, подтверждали правильность того, что показывали ходики на стене. Что ж, это было не так уж плохо, так-как в доме Козауры в таких случаях принято было сочетать завтрак с обедом, обед с ужином, а ужин с завтраком, в зависимости от того, что было пропущено накануне.

Управляться с самоваром Фиг умел лучше, чем с молотком. А потому он без лишних разговоров забрал этот замечательный прибор с кухни и потащил во двор, невзирая на то, что самовар был чуть не больше его самого.

Ведение домашнего хозяйства было слабым местом Козауры Козяевой-Козинской, но готовить она умела. Не сразу научилась, но, в конце концов, переняла от своих друзей многочисленные приёмы и навыки, львиную долю которых преподал ей ни кто иной, как Фиг, возившийся сейчас с самоваром.

Поесть любили все, кто жил с ней под одной кровлей, и она сама не отставала от друзей, так что даже пришлось приналечь на спорт, чтобы не догнать в объёме Быка. Но отказываться от вкусовостей Коза не собиралась.

Капустные блинчики были одним из её коронных блюд, морковные котлеты тоже получались на славу, и нравились всем, кроме Фига, который, (вот предатель!), предпочитал

есть котлеты мясные, и ходил их есть к Волку, а свою порцию морковных всегда отдавал Быку.

По счастью, у неё было наготовлено сейчас на все вкусы. Даже колбаса имелась на случай, если заглянет Волк. Колбаса, правда, была соевой. Волк об этом знал, но заявлял, что не чувствует никакой разницы с изделиями из натурального мяса и уплетал угощение за обе щеки.

– Коза, у нас беда! – прервал её размышление Фиг, появляясь на пороге.

Взгляд Козауры метнулся к сейфу с оружием, которое она, как лейтенант Народного козьего ополчения Козляндии, хранила дома и содержала в отличие от собственного хозяйства в образцовом порядке. Одно прикосновение копыта к специальной панели, (дундино изобретение – замок реагирующий на ультразвуковой анализ копыта владельца), и в её распоряжении будет пулемёт, базука, несколько пистолетов на выбор, ящик гранат и пара автоматов. Так что жестряслось?

Неужели опять провокация со стороны Волкании? У них же с волками мир, после того, как там загрызли Генерального Вожака – упёртого хищника и милитариста, а во главе государства встал молодой прогрессивный «альфа», по слухам – вегетарианец.

– Самовар распаялся! – пояснил Фиг, увидев её реакцию. – Основательно распаялся, посмотри сама.

Козе не в первый раз захотелось прибить этого коротыш-

ку за такие шутки! То есть, Фиг вовсе не шутил, но какая же это беда? Неприятно, конечно, но поправимо! Жаль только, что сейчас они останутся без ароматного чая с неповторимым привкусом от смолистых высушенных шишек, специально собранных для приготовления этого изыска.

Дыра в самоваре была знатная – шов полностью разошёлся и корпус деформировался, как от взрыва случившегося внутри. Жаль. Вещь фамильная, антикварная, послужившая семье не одно поколение. Но, не беда! Всё можно починить. Сама она, правда, не справится, но можно попросить Волка – он никогда не отказывал ей в помощи, как и она ему. А ведь когда-то он пытался её съесть... Но это дело прошлое!

Волк обещал заехать на следующей неделе, так что придётся пока отнести самовар в сарай и организовать обычный чай из чайника. Коза уже совсем собралась это сделать, как вдруг заработал телеграфный аппарат, установленный в прихожей.

Козаура опрометью бросилась в дом! Такие сообщения были редкостью, и чаще всего приходили из штаба Ополчения, а значит, реагировать на них следовало, как можно быстрее. Но на сей раз это была телеграмма от Дунды:

«Открой ворота тчк Нет тормозов тчк Отойди в сторону тчк»

Не успела она закончить чтение, как вдали со стороны дороги послышался звук, смахивающий на тот, который издаёт бензопила, вгрызаясь в ствол дерева.

Одной из отличительных черт лейтенанта Козауры, была способность в критические моменты действовать быстро, не впадая в ступор, как это иногда случается с представительницами её породы. Коза не рассуждала и не сомневалась, она кинулась к воротам, не пытаясь разобраться, что могут означать слова Дунды и что это за звук там на дороге. Просто она знала свою подругу!

То, что влетело во двор её дома, могло быть монстром из фильма ужасов, тварью, сбежавшей из Запретного леса или одним из технических экспериментов Дунды. Нечто на шести огромных, похожих на подушки колёсах, с корпусом от старого катера, на борту которого даже сохранилось название – «Морская коза». Сверху этого сооружения торчала кабина от грузовика, за лобовым стеклом которого виднелась физиономия Дунды с вытаращенными глазами, отчаянно вцепившейся в рулевое колесо!..

Это последнее, что успела увидеть Козаура, прежде чем отскочила, сбив с ног Фига, сунувшегося узнать, в чём дело. Механическое чудовище, ураганом пронеслось мимо и закружило по двору, словно спутник, вставший на орбиту.

Видимо, кроме отсутствия тормозов, очередное творение Дунды имело и другие технические недостатки, так-как скорость его не снижалась, и оно продолжало движение, уничтожая всё на своём пути. За несколько секунд оно разметало компостную кучу, превратило в щепки садовую тачку, стёрло в пыль пирамиду из цветочных горшков, из которых

недавно высадили кактусы, и превратило в блин большое медное корыто для стирки белья.

Но тут, видимо, кровожадность механического чудища кончилась, его мотор вдруг как-то странно заклохотал и заглох. Машина сделала ещё полкруга по инерции, после чего остановилась, издав звук, какой издаёт скороварка, когда выпускает лишний пар. Сооружение ещё раз дрогнуло и почему-то осело, став в полтора раза ниже.

Когда всё это свершилось, открылась дверца кабины, торчавшей сверху, и из неё вылезла слегка пошатывающаяся Дунда, глаза которой пару секунд вращались в разные стороны. Наконец, взгляд её сфокусировался на Козауре, стоявшей, подбоченившись и слегка прищёлкивавшей копытом по утоптанной земле.

Виновато улыбнувшись в шестьдесят четыре зуба, Дунда развела руками и сказала, не слишком уверенно:

– Я всё починю!..

Козаура ещё пару секунд «ела» её глазами, потом задрала голову кверху и захохотала так, что не удержалась на ногах и села на землю, взметнув лёгкое облачко пыли.

– Нет, вы посмотрите на неё! – проговорила Коза, давась от смеха и указывая на смущённую Дунду. – Тормозов у неё нет!

– И педаль газа залипла... – добавила Дунда, глядя уже с жалобным выражением.

Её слова вызвали новый приступ смеха, но при этом Ко-

заура встала, обняла подругу и повела в дом, в то время как Фиг и прибежавший на шум Бык, разглядывали диковинное транспортное средство, застрявшее у них во дворе.

– Хорошо, что у тебя был с собой радиотелеграф, – говорила Козаура, когда они все, минут через двадцать, сидели за столом и уплетали капустные блинчики.

– Дедушка настоял, чтобы я установила телеграфный ключ на приборной доске, – рассказывала Дунда с набитым ртом. – Он любит рассказывать, как такое устройство спасло ему жизнь в горах Барании!

– Как же получилось, что ты осталась без тормозов? – поинтересовался Бык, считавший тормоза едва ли не самой важной частью всего, что ездит на колёсах.

– Весь тормозной блок вывалился, – вздохнула Дунда. – Это ведь особенный автомобиль и тормоза у него особенные... Экспериментальные. Собственно, там всё экспериментальное, кроме корпуса, который пришлось сделать, из чего попало. Вот корпус и подвёл – старый металл не выдержал вибрации и весь механизм тормозов остался на треке, как раз когда я разогналась до предела.

– Так ведь трек отсюда далеко! – сказал Фиг, прикидывая что-то в уме.

– Ну, да! – ответила Дунда, повернувшись к нему. – Если бы он был близко, я бы не успела ни телеграфировать, ни сманеврировать. Счёт сразу пошёл на секунды, когда я поняла, что педаль газа заклинило на максимуме, а повернуть

уже не получится.

– Как же ты вывернулась? – снова спросил Бык, сидевший за столом, как всегда без кресла.

– Пробила ограждение в том месте, где поменьше камней и пеньков, – сказала Дунда, подняв глаза к потолку и припоминая подробности. – Прокатилась по целине, благо колёса позволяют, ведь это вездеход! Потом вылетела на шоссе. У меня было только два выхода – двигаться по направлению к городу и попасть в поток машин или свернуть сюда. Я выбрала второе. Извините, что подвергла вас всех опасности!

– Ты всё правильно сделала! – твёрдо сказала Козаура и хлопнула подругу по плечу, так что та макнулась носом в чай. – Хорошо, что мы были дома, а то тебя размазало бы по воротам или пришлось бы сворачивать в кювет, а это не намного лучше. Хорошо, что у тебя такой предусмотрительный дедушка. В общем, хорошо, все, что хорошо кончается!

– Но я у тебя тут набедокурила!

– А, забудь!

– Но я же могу починить...

– Брось! Это всё было ничего не стоящее барахло.

– Но у нас есть, что починить! – вдруг вспомнил Фиг. – Шут с ней с тачкой и с корытом, а вот самовар...

– Точно! – воскликнула Коза. – У нас же самовар распаялся. Сможешь запаять обратно?

– Нет проблем! – весело ответила Дунда. – Это я в два счёта!

«Два счёта» длились, наверное, часа полтора, после чего Дунда вынесла неутешительный вердикт:

– Скверное дело! То, что корпус распаялся, это ерунда, а вот топка у него начисто прогорела. Такой топкой нельзя пользоваться. Давай-ка, я его с собой заберу. Дома в мастерской мне будет проще заменить старую топку на новую.

Прошла неделя. За это время экспериментальный вездеход был отбуксирован во владения Дунды и её дедушки, а шумное происшествие стало забываться. Но коза-механик всегда сдерживала свои обещания, и частенько даже слишком. И вот в начале следующей недели она явилась в дом своей лучшей подруги на грузовом мотороллере, в кузове которого что-то погромыхивало.

– Вот! – с гордостью воскликнула неисправимая изобретательница, водрузив на колоду для колки дров, аккуратно запаянный и заново лужёный самовар.

Старинный агрегат для варки чая выглядел, как новый, вот только...

– А что это у него такое? – с удивлением спросила Коза-ура, разглядывая странное сооружение, торчавшее на месте трубы.

– Экономинатор топлива, – ответила Дунда. – Просто я подумала, что это не так интересно – заменить старую топку на новую. Если что-то менять, то почему бы не добавить новых технологий?

– Этого-то я и боялась! – заметила Коза. – А что он дела-

ет?

– Топливо экономит! – пожала плечами Дунда. – Теперь сюда достаточно кинуть одну шишку или одну щепку, чтобы вскипятить целый самовар! Кинешь две, и воду придётся доливать, чтобы корпус обратно не распаялся. Ну, как тебе это нравится?

– Не знаю, у нас никогда не было недостатка ни в шишках, ни в щепках.

– На тебя не угодишь! – обиженно надулась Дунда. – Кстати, тут ещё ионизатор воды встроен. Будет насыщать воду ионами серебра, чтобы чай был не только вкусным, но и полезным.

– Интересно! И как это работает?

– Не знаю! Я ещё не проводила испытаний.

– Но...

– Понимаешь, некогда было, а потом соседи сказали, что если я ещё раз что-нибудь взорву, то они подадут на меня коллективную жалобу в Городской Совет, хоть мы и живём в предместье.

– И потому ты решила произвести взрыв у меня?

– Не бойсь, подруга! – рассмеялась Дунда. – Это же всего лишь самовар – чему тут взрываться? Давай, тащи сюда воду и шишку, а ещё заварку и пряники приготовь.

Сказано – сделано! Через минуту явился Фиг с вёдрами воды, а Козаура предоставила Дунде на выбор целую корзину шишек, из которых та выбрала одну – средненькую. Гля-

дя на все эти приготовления, Бык удалился за дом, что-то ворча себе под нос.

– Загрузка жидкости произведена! – отрапортовал Фиг по-военному, вылив в самовар воду.

– Подача топлива произведена! – в тон ему отчеканила Козаура, бросая в новую топку шишку.

– Зажигание! – крикнула Дунда и нажала кнопку, поскольку для нового устройства спичек не требовалось.

Пару секунд ничего не происходило, потом самовар загудел и завибрировал. Сначала этот звук был негромким, затем он усилился до рокота работающего дизельного мотора среднего грузовика, и соответственно усилилась вибрация, хорошо ощущаемая через землю.

– Всё в порядке? – спросила Козаура, перекрикивая нарастающий рёв.

– Не знаю, – честно ответила Дунда. – Конечно, экономинатор не мог работать бесшумно, но я не думала, что он будет так гудеть!

В это время внутри самовара, что-то громко треснуло и зашипело со страшной силой! Крышка, венчающая экономинатор, оторвалась и улетела в огород, описав широкую дугу. Сам самовар резко подпрыгнул и повалился на бок, расплескивая воду...

– Держи его! – крикнул Фиг, схватился за четырёхлапую подставку, и тут же вскочил на самовар верхом.

И тут из открывшегося отверстия экономинатора, как

из сопла ракеты показалось голубоватое пламя! Обманчиво медленно, но все, набирая скорость, самовар двинулся вместе с оседлавшим его Фигом в горизонтальной плоскости, подминая траву!..

После секундного ступора, Коза и Дунда бросились его догонять и ловить, но куда там! Сбесившийся самовар то летел по прямой, то неожиданно поворачивал, то начинал кружить на месте, как волчок. Его движение чем-то смахивало на ломаный полёт моли, которую не так-то просто прихлопнуть ладонями.

Как ни странно, тяга голубоватого пламени усиливалась, и соответственно увеличивалась скорость движения самовара. словно направляемый чьей-то волей, он описал широкий полукруг, когда на его пути попала доска, прислоненная к забору, под углом сорок пять градусов. И тут раздалось – «Ба-бах!», язык синего пламени превратился в факел, самовар скользнул вверх по доске, словно это была направляющая консоль, и устремился в небо!

– Фи-и-иг! – раздался вопль Козауры, но друг не слышал её.

Фиг сидел верхом на кране самовара, изо всех сил, вцепившись в его ножки и ошалело глядя на приближающиеся облака! Дунда коротко взмекнула и прыгнула в седло своего мотороллера. В следующую секунду она уже летела вперёд, мысленно рассчитывая траекторию полёта самовара-ракеты. Ещё через пару минут её догнала Козаура на мопеде. Бык

скакал где-то сзади на своих четырёх, так-как у них не было тогда в распоряжении транспорта, способного его выдержать.

– Что будем делать? – крикнула Коза подруге, высматривавшей в небе огненную точку.

– Сейчас он достигнет вершины траектории! – выкрикнула Дунда, то ли отвечая на вопрос, то ли просто высказывая мысли вслух. – Сейчас... Есть!

Не пускаясь в дальнейшие разъяснения, она спрыгнула с седла мотороллера и поскакала к середине поля со скоростью, посрамившей даже Козауру – отличницу спортивной подготовки. Вскинув голову вверх, коза-механик видимо определила что-то важное для себя, положила на землю какой-то предмет и опрометью побежала обратно, замахав копытами на Козауру, устремившуюся вслед за ней.

– Что?.. – начала Коза, но не закончила, замерев с круглыми от ужаса глазами.

Самовар-ракета с единственным пассажиром на борту, больше не поднимался вверх. Видимо шипечное топливо закончилось, а может быть это экономинатор прекратил свою работу по какой-нибудь другой причине, но сейчас аппарат падал и скоро должен был рухнуть прямо на это самое поле, о которое он, конечно, разобьётся в лепёшку!

Вдруг посреди поля что-то хлопнуло и раздалось шипение, как от машины надувающей воздушные шарики, только громче. Козаура перевела взгляд туда, откуда шёл этот звук,

и открыла рот от изумления – посреди поля стремительно надувался непонятный розовый пузырь! Сначала он был с большой сундук, потом с легковой автомобиль, потом с автобус и продолжал увеличиваться в размерах, становясь при этом всё более прозрачным.

Пузырь вырос почти во всю ширину поля, когда Фиг, так и сидящий на самоваре, врезался в него со скоростью авиабомбы! Было видно, что прозрачная мембрана прогнулась почти до земли, но не порвалась. Однако обратного подброса не было – почти невидимая подушка внезапно сдулась, исчезнув с такой же быстротой, с какой возникла непонятно откуда. Это было всё равно как Фига, судорожно обнимающего самовар, аккуратно положили на землю.

Когда Козаура и Дунда подбежали к нему, он взглянул на козочек с какой-то меланхолической грустью, словно безнадежно больной на горячо любимых друзей и родственников.

– Я видел в облаках белого дракона! – сообщил он. – А ещё, на нём верхом сидела девушка, голенькая такая и красивая!..

Тут глаза его съехались к переносице, и Фиг потерял сознание.

.....

– Эта ваша Дунда – клад! – рассмеялся Драгис, когда Фигольчик закончил свой рассказ. – Впрочем, кое-что из её изделий я видел, когда... вскрыл гробницу королевы Козауры и её мужа.

Бык снова вздрогнул под Анджеликой, Фиг испуганно обернулся.

– Ну что вы! – успокоительно заговорила девушка. – Я же вам уже не раз об этом рассказывала. Эта гробница находится в ином времени, а здесь Коза жива, вы сами видели! И они с Меном проживут ещё долго, судя по её собственному письму и тем надписям, что я прочла на саркофагах. А что это за розовая штука надулась тогда на поле?

– Спасательное устройство – батут-подушка безопасности! – ответил Фиг. – Одно из лучших изобретений Дунды, которые не потребовали доработки, после неудачных опытов. Сработало сразу! К счастью... Работает по принципу жвачки – мгновенно надувается, смягчает удар и тут же лопается или сдувается, забрав всю энергию удара. Получается, что Дунда испытала тогда на мне прототип этого устройства.

– Два прототипа! – заметил Бык. – Экономинатор, в усовершенствованном и доведённом до ума виде, является одним из главных козырей местного машиностроения. Дунда тогда за это изобретение такую солидную премию получила, что тут же собрала экспедицию, чтобы найти родителей пропавших где-то в джунглях. Она и Козауру тогда с собой взяла, и Волка.

– Ой, расскажите! Расскажите, пожалуйста! – запросила Анджелика, которой понравилось слушать про Козу.

– Э, нет, милая, давай в следующий раз! – улыбнулся Фиг. – Кроме того, лучше бы тебе услышать эту историю из

других уст, ведь нас с Быком там не было.

Анджелика хотела было возразить, но тут Драгис сделал предостерегающий жест.

– Там впереди кто-то на дороге, – сказал он, пристально всматриваясь вдаль. – Двигается в нашу сторону. Я не чувствую опасности, но на всякий случай будем начеку!

Глава 9. Чужая тишина

– Что?.. Что случилось?

Ответом на её вопрос была тишина. Но тишина какая-то странная, непонятная тишина, словно... чужая.

Злося не могла объяснить, почему ей так подумалось, но ощущение «чужой тишины» не проходило. Вроде, вокруг всё осталось таким же, как было, но что-то при этом было не так.

Злося огляделась. Кругом были шкафы, стеллажи и полки с книгами. Всё было в идеальном порядке, нигде ни пылинки. Видимо Злюк с племянником постарались на славу...

Стоп...

Злося сама была горничной и понимала толк в уборке. Казалось бы, какая разница? Чисто ведь! Но... И тут до неё дошло – это не рука Злюка! Как и в любом другом деле, в уборке, у каждого, кто занимается этим профессионально, имеется своя манера и почерк. Злюк и Зляк были людьми недалёкими, безграмотными и откровенно глупыми, но к своим непосредственным обязанностям относились добросовестно! Однако в их манере работать была характерная мужская небрежность. Это выражалось в мелочах, вроде книг поставленных вверх ногами, (ведь оба не умели читать и писать), или чернильного прибора на письменном столе, установленного слева от рабочего места. Здесь же, ничего подобного не

было.

Всё вокруг выглядело идеальным, но каким-то... тёмным что ли? По поводу первого, Злосюя подумала – уж не приложила ли здесь свою руку Злинда? Её старшая подруга была известная аккуратистка, после её уборки всё буквально сверкало и сияло чистотой! При этом Злинда работала весело, споро и как-то обманчиво легко. Но с какой стати она будет доделывать за этими недотёпами? Да и боялась теперь Злинда библиотеки, пуще огня! Нет, Злинда здесь не причём.

Злосюя опустила руку с книгой и... вздрогнула от неожиданности – книги в руке не было! Но ведь она только что держала её... Девушка точно знала, что не клала книгу на стол и не ставила на полку. Но куда же в таком случае делась «История нечестивого и развратного злярла...»?

От этого всего ей стало весьма и весьма не по себе. По спине поползли ледяные мурашки! Злосюя даже оглянулась в поисках кочерги, но и кочерга куда-то пропала. Чертовщина, какая-то!

Вдруг она хлопнула себя по лбу! Как же она забыла про сэра Злорика? Но домашнего привидения Злордов нигде не было видно. Удрал? Или...

– Сэр Злорик? – позвала Злосюя, и сама удивилась тому, как дрожит её голос. – Сэр Злорик, вы здесь?

Ответом ей была всё та же тишина. Призрак прародителя Злордов и Злоскервилей был личностью общительной, хоть и бесцеремонной. К тому же он ничего не боялся, кроме свя-

ценных символов и тумачков, которые способна нанести рука невинности, но здесь святостью не пахло, да и невинность Злоси кончилась после замужества.

Злося даже проверила пресс-папье, под которым давеча нашла сэра Злорика. Нет, теперь его под ним не было. Куда же пропало привидение, отличавшееся, кроме всего прочего, незаурядным любопытством?

Девушка пожала плечами, ещё раз окинула взглядом, ставшую вдруг незнакомой библиотеку, и направилась к двери. Но, едва она распахнула эту дверь, как ей тут же захотелось вернуться обратно!

За дверью был всё тот же холл, но обстановка в нём была другая! Вместо изящных шкафчиков, столиков, кресел и козеток, вдоль стен стояли какие-то тяжеловесные скамьи из толстых полированных досок с грубой резьбой, подходящей, впрочем, под общую обстановку. Между этих скамей располагались громадные сундуки, окованные железом, и с амбарными замками, висящими в толстенных дужках. На самих стенах не было шёлковых обоев с изображениями пастухов и пастушек. Стены были голыми, так что виден был грубо обработанный камень. Зато на них тут и там висели щиты, перекрещенные топоры, секиры, мечи в человеческий рост, тяжеленные шлемы, смахивающие на вёдра или большие кастрюли, и так далее.

Злося вдруг вспомнила, что видела всё это старьё сваленным на чердаке. Сундуки она тоже видела – они стояли в

подвале, набитые всяческим хламом, и замков на них не было. Что же касается великанских скамей, то их она не видела никогда.

Это что же получается? Пока она в библиотеке беседовала с сэром Злориком, (а разговаривали они не долго), кто-то вынес отсюда всю мебель, а вместо неё притащил из подвала и спустил с чердака все эти древние страшилища? Хотя...

Злося любила придумывать интерьер для комнат, и знала в этом толк. То, что она сейчас видело перед собой, выглядело старинным, грубым, но в этом был некий свой шарм, романтическое обаяние средневековья, но...

Что за чушь? Чтобы проделать такую работу, скажем за пару дней, нужно раз в пять больше народу, чем сейчас присутствует в замке! Кроме того, рабочие, перетаскивая вещи туда-сюда, обязательно натопчут и намусорят. Значит, нужна уборка, на которую требуется дополнительное время. Кроме того...

Нет, это всё решительно невозможно! Так что же, ей это снится что ли?

Страх неизвестности прошёлся холодными липкими пальцами, уже не по коже, а по сердцу и лёгким, после чего сжал спазмом желудок. Злося никогда не была трусихой, но сейчас ей не откуда было черпать храбрость. Она отступила на шаг, и вдруг... Ей в спину упёрся... чей-то взгляд!

Обернуться? Нет, слишком страшно! А вдруг увидишь у себя за спиной такое!..

Это было похоже на пинок пониже спины. И, хоть на самом деле никто к ней не прикасался, Злосю бесцеремонно вытолкали из библиотеки вон! Она сделала принуждённый шаг вперёд, сзади хлопнули двери, и щёлкнул замок – путь к отступлению был отрезан!..

Злосю вскрикнула и тут же испытала что-то вроде облегчения – когда выбора нет, жить проще, даже если впереди ждёт нечто зловещее. Теперь она смогла оглянуться, чтобы увидеть закрытую наглухо дверь в библиотеку. Без каких-либо следов взлома...

Почему-то отсутствие на дверях следов от кочерги, которые она сама оставила, её совершенно не удивило. Теперь она смелее прошла в холл, сама себе, напоминая кошку, зашедшую на незнакомую или подозрительную территорию.

Вблизи всё оказалось совсем не страшным. Сундуки не раскрывали свои гигантские челюсти, оттуда не выпрыгивали злобные карлики с острыми ножами. Оружие на стенах тоже мирно висело своих гвоздях и выглядело не таким ржавым, как тогда, когда Злосю видела его на чердаке. (Ах, так его ещё и вычистили!)

Девушка решила, что здесь ей делать больше нечего, и вышла из холла в галерею. Страх её никуда не делся, но теперь он сам притаился, как будто испугавшись того, что можно встретить за поворотом. Галерея была, как галерея. Вот только висевшие справа и слева портреты выглядели как-то иначе. Злосю не сразу поняла, что это значит, но потом до неё

дошло, что они смотрятся новыми, не такими тусклыми и засиженными мухами, какими она их помнила. А ещё... Да, их было почему-то меньше. Значительно меньше! И чего-то не хватало. Ну, конечно! Нет портрета Злорда, его отца, деда и, кажется, прадеда. Может, ещё кого-то нет, но в таком деле дядька Злырь лучше разбирается. Она же только раз слышала, кто есть кто на этих изображениях, и могла что-нибудь напутать, хоть и отличалась хорошей памятью. Но, в конце концов, какое ей дело до этих Злордов, пусть они и родственники её мужа?

Галерея выходила в большой пиршественный зал, где до сих пор было не прибрано, после событий связанных с её похищением и штурмом замка. Двери туда должны быть закрыты, так-как там повсюду валялись драгоценности из кладов сэра Злорика. Но Злося туда и не собиралась. Она хотела пройти через маленькую дверцу, скрытую портьерой и ведущую в обходной коридор для слуг. Собственно, этим путём она сюда попала, и так же хотела вернуться. Но в конце её ждал очередной сюрприз.

Никакой портьеры здесь не было, а на том месте, где полагось быть двери для слуг, виднелась лишь ровная каменная кладка. Зато большие двустворчатые двери, ведущие в пиршественный зал, стояли настежь открытыми!

Злося приблизилась к ним с гулко колотящимся сердцем. Ну, конечно! Обстановка внутри была совершенно не такая, которую она помнила. Как и в холле, перед библиотекой, от-

сюда бесследно исчезла изящная дорогая мебель, а вместо неё повсюду были расставлены всё те же сундуки, огромные лари и даже какие-то бочки. Уже знакомые скамьи заменяли удобные мягкие стулья и кресла. Вместо длинного резного полированного стола, тянувшегося от хозяйского места через весь зал, стоял какой-то грубый, крепко сбитый из толстых досок, и тоже длинный до самых дверей.

Хозяйское место тоже выглядело по-иному – в конце стола имелось возвышение, на котором стояли два деревянных кресла или точнее два трона с неудобными прямыми спинками. Злося помнила, что Злорд и Зледи усаживались за стол по разным его концам. Здесь же хозяева должны были сидеть рядом. Странно...

Хотя, что тут странного? Они же вроде как помирились, когда почувствовали тягу друг к другу? Ну и хорошо! Несмотря на то, что Злорд сделал ей много дурного, Злося не испытывала к нему ненависти, и желала своим бывшим хозяевам обрести запоздалое счастье. Так может, это они решили всё здесь переделать, чтобы старая обстановка не напоминала им о годах разлада?

Это вполне могло быть. Чтобы обновить свою жизнь, хозяева замка избавились от всего, что окружало их до сих пор, а, поскольку на приобретение новой мебели нужно время, приказали вытащить из всех кладовок то, чем пользовались их предки, и, таким образом, вернули замку его древний вид. Объяснизмы... Глупости! Как легко убедить себя в чём-

то, придумав правдоподобное объяснение тому, что объяснить на самом деле невозможно! Не стали бы Злорд и Зледи заниматься такой ерундой. А если бы и стали, то никак невозможно это было бы сделать, пока Злося была в библиотеке. И куда, скажите на милость, девалась дверь для слуг, которую она знала очень хорошо и могла бы найти с закрытыми глазами? Заложили, замуровали? Нет! Стена выглядит целой, как будто эта дверь никогда не была прорублена! А она была когда-то прорублена в целой стене. Это даже спустя столетия было хорошо заметно...

Злося почувствовала, что близка к истерике. Она вошла в пиршественный зал, уже дрожа мелкой дрожью. Никаких рассыпанных по полу сокровищ здесь, конечно, не было. Собрали?.. И колонна, в которой они были спрятаны, тоже выглядела целой. Починили...

Никто здесь ничего не собирал и никто ничего не чинил!!!

Она не понимала, как это может быть и не хотела этого понимать, но это был действительно зал Злордов, задолго до всех Злордов, кроме разве что одного – того кто построил этот замок!

Не совсем понимая, зачем она это делает, Злося прошла к хозяйскому месту во главе стола, выбрала трон, что поменьше, села на него и закрыла глаза...

Тотчас пространство вокруг наполнилось шумом и светом! Видимо в зале было множество народу и все громко разговаривали и смеялись, не стесняясь в выражении эмоций.

Слышался звон тарелок и кубков, кто-то смачно хрустел костями, видимо раскусывая их могучими челюстями. Где-то звучали задравные тосты, и через весь этот шум прорывалась нехитрая музыка. Кажется, лютня и тамбурин...

– Что с вами, душа моя?

Плечи девушки обвила могучая тёплая рука. Такая знакомая, родная и одновременно... не та...

– Любимая, вы хорошо себя чувствуете?

Кто-то участливо склонился над ней и погладил ладонью по щеке. А ещё, она почувствовала запах. Это был его запах – её горячо любимого мужа, но к нему примешивалось что-то ещё, чего не было у сэра Злоскервиля...

По щекам Злоси заструились слёзы. Она понимала, что не сможет вечно сидеть с закрытыми глазами, но она не хотела их открывать! Не хотела, потому что знала, что рядом с ней сейчас сидит и смотрит с беспокойством и участием, не её ненаглядный Злоскервиль, а сэр Злорик по прозвищу – «Медная Голова»! Вовсе не призрачный, а вполне живой и здоровый, нестарый ещё хозяин замка Злорд-холл!

Глава 10. Лучше сейчас

– Странно!

Барбарус повторил это уже несколько раз.

– Очень странно! И совершенно непонятно, чем дело кончилось.

– Чем оно началось, тоже непонятно! – немного ворчливо добавила Фоллиана. – А ты уверен, что это они?

– Хм-м. Уверен ли я? – Капитан глубокомысленно погладил свою бородку клинышком. – Я, конечно, не следопыт, но расследовать дела связанные с разбоем приходилось и не раз. Взгляни сама!

Фоллиана и так во все глаза рассматривала следы, которыми пестрела дорожная пыль. Кроме следов здесь повсюду валялись стреляные гильзы, и, то тут, то там виднелись капли крови. В одном месте её была целая лужица, уже подёрнувшаяся корочкой и присыпанная пылью.

– Тут две пары следов от мужских ботинок, – пояснял Барбарус, указывая на то, что для глаза неопытного являлось сплошной мешаниной. – Большие следы, это, конечно, Драговски. Во время боя он перемещается танцующим шагом опытного фехтовальщика, даже когда идёт перестрелка, а не схватка на клинках. Маленькие следы, это Фигольчик. тоже танцующий шаг, но совсем другой! Этот – опытный боксёр и борец, мастер уличных боёв без правил. Никогда не забуду,

как он меня вырубил там, на крыше «Пирамиды»... Следы огромных копыт принадлежат Быковичу. Значит, он опять превратился в быка! Я однажды это видел и могу с уверенностью сказать – это его размер. Ну и напоследок, маленькие женские следы, это принцесса! Она, как и ты разгуливает босиком, но края следов слегка сглажены. Возможно, на ней тонкие носки, чулки или просто ноги обмотаны тряпками.

– И ты говоришь, что ты не следопыт?

– Следопыт сказал бы, что они ели сегодня на завтрак. Я могу сказать лишь одно – здесь они с кем-то сражались, после чего все вместе рванули туда!

Он махнул рукой в сторону Запретного леса. Фоллиана посмотрела в этом направлении. Да, слово «рванули», больше всего подходило к тому, что она увидела – след на траве протоптанный несколькими парами ног, две сбитые кротовые кочки и отчётливо видимый пролом в подлеске.

– А кто же из них ранен? – спросила девушка обеспокоенно.

– Быкович, – уверенно сказал капитан Барбарус. – Смотри – он стоял вот здесь, когда в него попали. После этого он попятился и дёрнулся несколько раз, отчего кровь разбрызгалась. Видимо двое парней были заняты дракой, а потому не смогли помочь, но принцесса бросилась на выручку другу и встала между ним и противником. А потом она ударила, и это был очень серьёзный удар!

Капитан указал рукой в другую сторону, где в зарослях

кактусов виднелось что-то вроде улицы, выжженной одним махом, а потому ровной.

– Теперь я понимаю, что имел в виду наш наниматель, – продолжал капитан. – Он сказал, что вы с принцессой подружитесь, если не сожжёте друг друга при встрече.

– Это зависит от её поведения, – заявила Фоллиана, зажигая искру между большим и указательным пальцами правой руки. – От этого сгорела Александрийская библиотека! Хватит, чтобы зажарить одну принцессу.

– Эй, эй, полегче! – замахал руками Барбарус. – Ещё мне не хватало женской драки! Лучше в одиночку схлестнуться с дюжиной разбойников, чем разнимать сцепившихся девчонок!

Фоллиана рассмеялась, но тут же стала серьёзной.

– Я сама ничего подобного не хочу! – сказала она. – Но давай вернёмся к делу. Что следопыт скажет об их противнике?

– Ничего.

– То есть, как?

– Очень просто – что бы на них не напало, оно не оставило следов. Ни одного! А ещё, я не понимаю, чем был ранен Быкович. Предполагаю только, что чем-то, что может поражать на расстоянии.

– Почему?

– Он был самым большим, ему труднее всех было уйти от удара, и он единственный, кто не мог отстреливаться. Перед

тем, как в него попали, он стоял здесь и рыл землю правым копытом. Видимо собирался ринуться на врага, но получил стрелу или пулю.

– Непонятно. Возможно, преследовали отступающего неприятеля или сами спасались.

Они замолчали, ещё раз оглядывая место схватки.

– Пойдём за ними? – спросила Фоллиана.

– Я бы не стал, если бы на то была моя воля, – вздохнул капитан. – Но, похоже, у нас нет выбора. Это незнакомый мир, пусть здесь и жили когда-то мои предки. Я здесь жить не умею, ты тоже. Единственный способ для нас выбраться отсюда, это выполнить контракт. И тогда, если наниматель будет с нами честен, то мы сможем поселиться в цивилизованном месте и построить там, э-э, свою библиотеку, как ты хотела.

– Аминь! – подытожила Фоллиана. – Только, прежде чем тронемся в путь, я хочу ещё кое-что.

– Что же ты хочешь?

– Любви! Вон под тем кустом растёт мягкая травка.

– Но...

– Что-то мне подсказывает, что некоторое время нам придётся потерпеть без этого, а потому, лучше сделать всё сейчас, чем потом жалеть, что не сделали, когда была возможность. Или может быть, я тебе уже надоела?

– Нет, не надоела! – улыбнулся Барбарус, обняв её за талию. – И всё-таки, до чего же развратная у меня жена! Это

же настоящее чудо!

Глава 11. Озеро; услуга и плата

– Бык, миленький, потерпи, пожалуйста!

Слёзы, хлеставшие в три ручья, нечем было утереть – руки Анджелики были заняты. В одной она несла копье, на которое злилась, но не могла бросить, другой поддерживала голову Быка, тяжеленную, как кузнечная наковальня!

Держать его голову навесу приказал Фиг. Пока Бык не уронил голову, он мог ещё переставлять ноги, а значит, у него был шанс дойти до Целебного озера, которое находилось в глубине леса. Если же он не сможет удержать своё чугунно-рогатое вместилище интеллекта, то тогда всё – им не под силу будет сдвинуть его с места, даже всем троим.

Поэтому, они прилагали отчаянные усилия, чтобы не дать ему это сделать. Фактически они несли его голову, а заодно тянули своего друга вперёд. Драгис шёл справа, Анджелика слева, а Фиг обхватил морду друга и положил её себе на плечо, не обращая внимание на вываленный язык, и на то, что уже через минуту он с головы до ног был в бычьей слюне, пополам с кровью.

Морально тяжелее всех приходилось Анджелике. Именно с её стороны из груди Быка торчал зазубренный шип, длиной и шириной с клинок короткого меча. То, что его остриё ещё не достало до сердца, было чудом.

Всё случилось быстро, странно и непредсказуемо. Когда

Драгис объявил, что на дороге кто-то есть, все приготовились к бою, но, разглядев, существо, очутившееся у них на пути, расслабились и переглянулись в недоумении. Прямо перед ними посреди дороги стояла... девочка! Милый ребёнок лет семи, одетая в простое деревенское платьице, белое с красными узорами. На белокурой головке веночек из полевых цветов. На ножках аккуратные жёлтенькие лапоточки с льковыми завязками до колена. В руках корзинка, из которой торчали головы двух белых кроликов. Она стояла и улыбалась солнечной лучистой улыбкой, и казалось, что синее небо смотрит сквозь её необыкновенно яркие глаза!

Путешественники встали в недоумении, глядя на это дитя, словно сошедшее с лубочной картинки. Но девочка вызвала лишь душевное умиление и они расслабились. Даже всегда бдительный и подозрительный Драгис вынул руки из карманов, где у него были пистолеты... И тут началось!

Собственно, сначала не случилось ничего особенного, просто у малышки из корзинки выскочили сразу оба кролика.

– Фыврень! – крикнул Фиг, выхватывая пистолет.

Драгис не знал кто такой «фыврень», но он привык доверять другу, испытанному во многих сражениях. Пистолеты тут же оказались в его руках, но он пока не понимал в кого следует стрелять. В кроликов? В девочку?

Между тем Бык сразу понял, что случилось на самом деле. Он рванулся вперёд, но успел сделать всего пару шагов,

как получил в грудь зазубренный шип, предназначавшийся Анджелике.

В это время на дороге поднялась пальба. Оба кролика превратились в два пылевых столба, едва коснулись земли. Девочка так и стояла между ними, продолжая улыбаться, но при этом она подёрнулась рябью, словно была отражением в воде и стала расплываться. Три пули Драгиса прошли сквозь неё, произведя эффект мелких камешков, упавших на зеркальную поверхность озера – девочка не переставая улыбаться, пошла концентрическими кругами. Но Фигольчик стрелял не в фантомы и не в изображение ребёнка, так успешно усыпившее их бдительность. Он сосредоточил огонь на чём-то невидимом, и бил наугад по верх головы «девочки». Глядя на него, Драгис разразился канонадой из своих крупнокалиберных пушек в том же направлении.

В это время шипы, такие же, как тот, что поразил Быка, засвистели и завжикали, пролетая сквозь пылевые фантомы и разноцветную кляксу, в которую превратилась симпатичная девчушка. Пришлось уворачиваться.

Видимо, тот кто метал эти странные клинки, больше полагался на количество брошенных снарядов, чем на меткость. И всё же два таких шипа пробили плащ Драгиса, один снял шляпу с Фигольчика, и ещё несколько чиркнуло по холке и боку Быка, подавшегося назад и сейчас в шоке топтавшегося на месте. Было ясно, что если у неизвестного метателя таких шипов много, то он вскоре одержит победу над теми, кого

решил убить.

Анджелика появилась на линии огня так внезапно, что никто не успел её оттолкнуть или оттащить. Рискуя превратиться в подушечку для булавок, девушка перевернула копье золотым наконечником вперёд и...

Это была даже не молния. Полоса ослепительного света напоминала стамеску шириной в пять и длиной в двадцать пять метров. На долю секунды воздух распорол электрическое гудение, но тут же всё стихло. Всем показалось, что даже солнце убавило накал, не менее чем вполовину. Стало вдруг прохладно, и воздух наполнился запахом пыльного озона.

– Ты убила его! – воскликнул Фиг и от радости завертел свой пистолет на пальце. – Фыврень убит! Такого я ещё не видел.

– А кто он такой этот фыврень? – спросил Драгис, машинально перезаряжая оружие.

– Чудовище из Запретного леса, – ответил Фиг. – Его ещё называют «мимикрийный фыврень». Эта тварь обладает феноменальными гипнотическими и телепатическими способностями. Как он выглядит никто не знает, а убить его крайне сложно. Но даже если это удалось, тело его мгновенно распадается и исчезает, так что тушу искать бесполезно. Он создаёт голографические образы, списывая их из памяти жертвы, чтобы усыпить её бдительность, после чего внезапно нападает. Эх, какой же я дурак! Сразу надо было догадаться, что

человеческой девочке не откуда взяться в Козляндии, тем более, здесь на дороге...

– Бык!

Анджелика первая вспомнила о раненом друге. Бык стоял, задрав голову кверху, и весь дрожал, готовый упасть в любую секунду. Друзья бросились к нему и подхватили с двух сторон, не давая это сделать. Анджелика, тем временем, тщетно силилась сдёрнуть золотой наконечник с целительного конца копья Ахиллеса.

– Не получается! – крикнула она и гневно отшвырнула копьё, которое сердито зашипело.

– Я смогу это вытащить! – сказал Драгис, протянув руку к шипу, торчавшему из груди Быка.

– Нет! – крикнул Фигольчик. – Так ты его убьёшь! Сделаем по-другому – в Запретном лесу есть Целительное озеро. Его вода лечит любые раны. Если сможем его туда довести, то Бык спасён!

– Пошли! – крикнула Анджелика, подбирая копьё.

И они пошли. Запретный лес не выглядел ни мрачным, ни зловещим. Лес, как лес. Деревья, кусты, тропинки, муравейники. А ещё, комары, которым не было никакого дела до бед и забот тех, кого они считали своим законным ужином. Бессовестные созданья!

Ветви нещадно хлестали по лицу, сучки царапали кожу, иголки и какие-то колючки впивались в подошвы, на которых снова изодрались тряпичные обмотки. Но Анджелика

терпела. Ей не очень-то верилось в существование озера, вода которого может исцелить колотую рану такой глубины, но она будет тащить Быка, пока сама не упадёт без сил!

– Мы хоть правильно идём? – спросил Драгис. – Ты точно знаешь направление?

– Вопрос не в том, знаю ли я направление или нет, – ответил Фигольчик, – а в том, насколько нам требуется помощь. Целебное озеро милосердно. Если оно почувствует, что нам не под силу добраться самим, то перетечёт поближе!

Больше вопросов не последовало. Вода заблестела за деревьями, когда Бык захрипел и окончательно закатил глаза.

Непомерная тяжесть навалилась на их руки, а на пути, как на грех, рос густой подлесок. И тут Анджелику осенило! Она снова развернула копьё золотым наконечником вперёд, и световая «стамеска» вычистила последние полтора десятка метров пути, сделав перед ними ровную, слегка дымящуюся просеку.

И всё равно было слишком далеко! Кроме того, Бык встал, и никакими силами они не могли заставить его сделать ещё, хотя бы один шаг. Передние ноги его подкосились, и он опустился на колени. Даже до предела напрягавший свои могучие мускулы Драгис, не мог заставить умиравшего друга встать и шагнуть ещё несколько раз.

Анджелика тоже опустилась на колени. Она всё ещё продолжала тянуть голову Быка вверх, понимая, что бой проигран. Краем глаза она видела, что Фиг совсем скрылся под

грудью Быка, рискуя быть погребённым под его неподъёмной тушей. И тут земля ушла у них из-под ног...

Девушка едва успела вдохнуть поглубже, когда волна накрыла её с головой. Впрочем, она сразу почувствовала дно под ногами, и когда встала, то обнаружила, что воды здесь всего лишь по грудь. Рядом барахтались её друзья, но самым главным, от чего её сердце подпрыгнуло, было то, что Бык стоял на этом же мелководье на собственных ногах, и глаза его не были закатившимися.

– Вот теперь этот шип можно вытащить! – объявил Фигольчик, с фырканьем выныривая на поверхность.

Драгиса не надо было просить дважды. Он ухватился одной рукой за тупую часть шипа, а другой покрепче сжал рог друга и рванул! Бык вздрогнул, подался назад, но не издал ни звука.

Спасён! Анджелика вдруг почувствовала страшную усталость, и если бы не облегчающая сила воды, наверное, не удержалась бы на ногах. Но она устояла и даже нашла в себе силы оглянуться по сторонам.

Озеро действительно придвинулось к ним, и даже сейчас не остановило своё движение, мягко тесня лес и формируя берега.

– Что дальше? Спросил Драгис, по голосу, которого чувствовалось, что он тоже устал.

– Мы можем выйти на берег, – отозвался Фигольчик, – а он пускай ещё постоит, пока лечение закончится. Сам пой-

мёт, когда надо выходить.

– Ой! Фиг? – вдруг воскликнула Анджелика, обернувшись к тому, кого уже привыкла воспринимать, как Фигольчика.

Драгис даже рот раскрыл от изумления. Посреди одежды друга барахталось и путалось в штанах и куртке, знакомое по пребыванию на неведомом острове меж мирами существо, смахивающее на гигантскую картофелину с баклажаном вместо носа.

– Ну, что уставились? – заговорил Фиг с ворчливой весёлостью. – Я не успел сказать, что озеро за свои услуги берёт плату. Посильную плату, не кабальную. Сейчас оно подлечило не только Быка, но и всех нас. И у каждого забрало что-нибудь, что он может отдать безболезненно. У меня вот – человеческую форму реквизировало. Вы сами поймете, с чем расстались. Что же касается Быка, то его плата будет самой высокой, но я ума не приложу, в чём она может заключаться.

– Тогда, пошли сушиться, – сказал Драгис. – Надеюсь, что здесь можно развести костёр?

– Мои спички промокли, – развёл руками Фиг.

– Не проблема! – ответил Драся, и из его губ показался язычок пламени.

– Для меня проблема, – вздохнула Анджелика.

– То есть?

– Кажется, озеро забрало у меня драконьи способности, – виновато улыбнулась девушка. – Я больше не могу изрыгать

огонь.

Драгис привлёк её к себе и снял со лба промокшую повязку. След, оставленный рогом Рогелло Бодакулы, остался на месте. Видимо теперь это было частью Анджелики навсегда. Тогда он обнял любимую и без слов прижал к себе.

– А ты? – обеспокоенно осведомилась Анджелика. – Ты ничего не чувствуешь?

Драся пожал плечами.

– Я чувствую прилив сил и чувствую голод, – ответил он. – Что же касается платы за услуги, то, если озеро взяло что-то от меня, то это нечто такое, о чём я даже не догадываюсь. Поживём – увидим! Может мне это совсем не нужно?

С такими разговорами они вышли на берег. Всё было тихо и мирно. Больше никакого чудовище Запретного леса не пыталось их съесть. Трое из четырёх путешественников занялись устройством лагеря, время от времени поглядывая на Быка, который так и стоял, молча, в протоке образованной озером.

Глава 12. Новая тревога и огуречное определение

Злорик Медная Голова: У-у-у-у-у-у!

Чикада: Что здесь происходит? Сэр Злорик, это вы?

Злорик Медная Голова: О-у-а-а-а!

Чикада: Так! Немедленно прекратите завывать и расскажите, в чём дело?

Злорик Медная Голова: Зло-о-ся!

Чикада: Злося? Эта девушка? Молодая супруга сэра Злоскервиля? А что с ней?

Злорик Медная Голова: Пропа-а-ла!

Чикада: Пропала Злося? Час от часу не легче! А ну-ка, давайте, рассказывайте с самого начала и во всех подробностях.

.....

Злинда: Да ты что? Вот радость-то! А муж знает?

Злуша: Дык, похоже, она сама, ишшо не знает! А я вот знаю – у меня глаз-то видючий!

Злинда: И что ж ты такое увидела?

Злуша: Я ж сначала не поняла. Гляжу, чавой-то наша Злоська задумчивая какая-то? Вроде говорит с тобой, а у самой глаза, как будто, не здесь. Словно смотрит на что-то, чего нет. Ну, думаю – не выпалась девка, муженёк, (хи-хи!), не дал. А потом, когда увидела, как она огурец трескает...

Злинда: Какой огурец?

Злуша: Солёный, жёлтый такой. Самый большой выбрала! Где ж это видано, чтобы молоденькая девчонка, такие огурцы целиком хряпала? Нешто она мужик?

(обе смеются)

Вот, я, как увидела, что она с таким огурцом пошла, тут для меня всё яснее ясного стало!

Злинда: А куда она пошла-то с огурцом?

Злуша: Известно куда! В библиотеку...

Злинда (*вскакивает, заламывая руки*): Что?!

Злуша: Ой! Вот же я глупая баба! Сама всё разболтала...

Злинда: Вот что, подруга – я тебя потом убью! А теперь – дуи правду-матку, говори, как дело было!

Злуша: Злиндочка, пощади! Отпусти душу на покаяние! Всё скажу, как на духу, ничего не утаю, только не губи меня грешную!

.....
Злоскервиль: Как это ты не знаешь, где твоя госпожа?

Злоримор: Да вот как-то так, сэр, не знаю! Вроде дома была, а глядь – нету её. Может пошла за падре Микаэлем?

Злоскервиль: Может и так. А где в таком случае падре Микаэль?

Злоримор: Кто ж его знает, милорд? Известно ведь, что добрый ваш гость, по слабости здоровья, далеко не ходит. Правда, если нужда заставит, то за ним и молодой, да здоро-

вый не угонится. Я доподлинно не знаю, но может он отпра-
вился за сеньором Барбарусом и миссис Фоллианой?

Злоскервиль: И эти куда-то ушли? А ведь верно, я их давно не видел. Интересно, куда они-то пропали? Только не говори – «Кто ж их знает?»»

Злоримор: Не скажу, барин, не скажу! А всё потому, что доподлинно знаю – они отправились в замок Злорда, чтобы посетить тамошнюю библиотеку. Миссис Фоллиана на этом деле, на библиотеках, то есть, малость того. Ну, вы же знаете, сэр!

Злоскервиль: Верно, верно. Правда я не нахожу в увлечении очаровательной Фолли ничего предосудительного. Она дама умная и образованная. Вот только мне не нравится, что вслед за ней из дома исчезает моя жена, к тому же не сказав мне ни слова! Вот что, голубчик вы мой – отправьте в замок Злорда кого-нибудь, узнать там ли миссис Злоскервиль и все остальные, кто так странно пропал за последнее время. Нет, стойте, не надо! Лучше я сам туда поеду и сам всё узнаю, а то я здесь изведусь, пока буду ожидать известий.

Злоримор: И я с вами, сэр! Я хоть и старый, а всё же, какая-никакая подмога.

Злоскервиль: Добро, старина! Отправляемся немедленно!

Глава 13. Возможно, он его убил...

– И как они только продирались сквозь такую чащу?

– Не просто продирались, а шли уверенно, явно стремясь к определённой цели.

– Ай!

– Что случилось?

– Ничего особенного! Просто одно дело идти по дороге, а другое по шишкам.

– Ну, вот...

– Не переживай – привыкну!

По следу искомой четвёрки они шли уже битых два часа. При этом создавалось впечатление, что банда Фигольчика/Драговски и принцесса, двигались по этому лесу, если не как по ровной дороге, то с гораздо большей лёгкостью, чем Барбарус и Фоллиана. Тех лес, как будто пропускал, а этих пытался задержать и запутать.

– Давай-ка сделаем привал! – заявил капитан, останавливаясь. – Нам нужно выполнить задание, но это не значит, что ради этого стоит загнать тебя до смерти.

– А тебя? – спросила Фоллиана лукаво.

– Я бы тоже отдохнул, – ответил её муж, сообразив, что если речь будет идти только о ней, то Фолли не остановится.

Они остановились на живописной поляне, отметив, предварительно направление движения тех, кого они пытались

догнать. Здесь было полно земляники, и Фоллиана тут же принялась её собирать. Набрав горсть, она принесла эти ягоды супругу и стала его ими кормить, не слушая шуточных возражений.

Всё случилось с невероятной быстротой, с какой стрела или дробь настигает ничего не подозревающую птицу. Со стороны чащи вдруг раздался треск, словно сквозь подлесок ломился обезумевший танк, и на поляну с рёвом вылетело что-то огромное, чёрное, рогатое!..

Капитан схватил жену поперёк туловища и в последний момент выхватил её из-под копыт чудовища, грозивших растоптать женщину, словно спелый плод, оброненный на дорогу. Фоллиана пискнула и рассыпала землянику. Чудовище, между тем проскакало на край поляны и развернулось. И тогда они увидели, что это огромный чёрный бык испанской породы, который не мог быть никем иным, как...

Барбарус оттеснил девушку за спину и схватился за шпагу! Но каким бы искусным фехтовальщиком он ни был, мастерством тореро капитан не владел, а вот быку доводилось бывать на арене!..

Секунды две рогатый исполин рыл землю передним копытом, потом ринулся вперёд, всё время, набирая скорость! Его противник поднял оружие, чтобы нанести удар, но в последний момент бык прыгнул резко в сторону и тут же, развернувшись на месте, ударил рогами вбок!

Шпага вылетела из рук капитана Барбаруса, но ему ка-

ким-то чудом повезло – его тело попало не на один из рогов, способных выпустить кишки слону, а между ними. Тем не менее, от страшного удара капитан сложился пополам, но не отскочил, а повис у быка на морде, закрыв ему, таким образом, обзор спереди.

Бык взревел и взбрыкнул несколько раз, пытаясь избавиться от неожиданной ноши. Но капитан, вцепившийся ему в шею, держался крепко, так-как понимал, что если разожмёт руки, то немедленно будет убит. Ко всему прочему, он отвлекал, таким образом, внимание врага от Фоллианы.

Возможно, бык совсем обезумел от ярости, а может быть сам был напуган, но он прекратил попытки сбросить врага на землю, ещё раз взревел и ломонулся сквозь подлесок, не разбирая дороги, прямо в чашу Запретного леса!

Фоллиана осталась стоять посреди изрытой копытами поляны. Потом она, словно автомат, наклонилась и подобрала шпагу капитана Барбаруса. Девушка долгое время стояла, глядя на это оружие невидящими глазами, распахнутыми на пол лица. В таком виде её и застали, выбежавшие на поляну, Анджелика, Драгис и Фиг, путавшийся в одежде ставшей ему слишком большой.

.....

Отсвет ночного костра казался длинным языком, лижущим поверхность озера. Возле костра сидели четверо – двое мужчин, один из которых был лишь условно похож на человека и две женщины.

Несмотря на то, что женщины были приблизительно одного возраста, они резко отличались друг от друга. Одна светловолосая, худенькая, была одета, как дикарка, хоть при ближайшем рассмотрении становилось понятно, что в ней не было ничего дикого, просто её одежда была собрана, из чего попало, а повязка на голове и босые ноги делали её похожей на индейца из фантастической книги.

Другая была одета в красивое, но сильно помятое платье и тоже была босиком. Её тёмно-русые волосы свисали равными патлами, а расширенные глаза глядели в пустоту. В руках она сжимала обнажённую шпагу, держа её за клинок, так что на ладонях остались порезы. Никому так и не удалось забрать у неё это оружие, но, поскольку девушка не угрожала этим клинком ни себе, ни другим, её оставили в покое.

Беленькая девушка обнимала тёмную за плечи, словно они были подругами. На самом деле, они встретились сегодня впервые.

– Он не обезумел, – говорил Фиг вполголоса, поскольку эти слова предназначались для Драгиса, а не для убитой горем Фоллианы, – просто озеро полностью забрало у него человечность, вместе с разумом. Теперь это просто бык – не слишком умное, но опасное животное, обладающее взрывным, скандальным характером.

– Это необратимо? – спросил Драгис.

– Не знаю, – ответил Фиг. – Возможно, что – да.

– В таком случае лучше было бы дать ему умереть, – про-

говорил бывший гангстер, темнея, как туча.

– Может быть, – вздохнул Фиг. – Но не будем терять надежды, возможно, это действительно временно. Прежде всего, нам нужно найти его и этого парня, на которого он напал. Только прошу тебя – когда мы найдём Быка, ты, пожалуйста, не убивай его сразу...

– Ты о чём, дружище? – удивился Драгис. – Если я сказал, что возможно стоило дать ему умереть, то имел в виду, что для нашего Быковича лучше было бы с честью пасть в бою, чем поправиться, но потерять разум. Убивать его я не собираюсь ни при каких обстоятельствах. Бык мой друг и остаётся таковым сейчас, а если его тело совершило преступление, потеряв разум, то я ему не палач и не мясник, а тем более не судья!

– Так что мы будем делать, когда найдём его?

– Стреножим. Потом наведём справки о том, возможно ли вернуть его личность, а если нет – подыщем ему приличный коровник с молоденькими Бурёнками, где он доживёт до старости. Кстати, ещё не факт, что тот парень погиб.

Когда они нашли Фоллиану, она могла ещё говорить.

«Этот бык поднял на рога моего мужа, – сказала она тогда. – Возможно, он его убил...»

Теперь Анджелика нашёптывала ей что-то на ухо, пытаясь привести в чувство, но единственно, что она сказала с тех пор, это было её имя. На другие вопросы Фоллиана не отвечала, но и не отстранялась от новой подруги, принимая

несложную заботу о себе, хоть это возможно была совершенно автоматическая реакция.

Где-то в дебрях Запретного леса скрывались двое, столкнувшиеся в схватке, благодаря нелепой случайности. А здесь у костра, те, кому были дороги они оба, строили планы их спасения и старались облегчить страдания друг друга.

Глава 14. Да вот же она!

Злося лежала на высоком ложе и старалась убедить себя, что всё это сон. Вокруг хлопотали служанки, и время от времени появлялся «любящий муж», сильно обеспокоенный здоровьем, внезапно занемогшей «супруги».

Её уже переодели в просторную рубашку и странные белые чулки, смахивающие на сапоги-ботфорты. Когда это проделывалось, одна из служанок – старушка с добрым лицом, положила сухую ладонь ей на живот, потом внимательно поглядела Злосе в глаза, и лицо её озарилось радостью. Потом она обменялась несколькими фразами с товарками, и те радостно, но сдержано зашебетали, бросая исподтишка любопытные взгляды на «госпожу».

Злося не понимала, что всё это значит, но сейчас её больше всего беспокоил сэр Злорик. По какой-то непостижимой причине он принимал её за свою жену, а когда Злося решила, наконец, взглянуть на него, то сердце её упало – прародитель Злордов и Злоскервилей, был копией её мужа! Не точной... Так бывают, похожи братья-близнецы, поражающие сходством, но имеющие заметные различия, по которым очень несложно определить, кто из них кто.

Неужели она настолько же похожа на его жену? Но почему? Ах, да – мама ей как-то давно говорила, что по отцу она, видите ли, благородных кровей и здешним господам, пусть

дальняя, но родственница. Злосья над этим не задумывалась. Ей нравилось быть самой собой, и не было никакого дела до таких родственников. А вот ведь, как оно аукнулось!

Но что же теперь делать-то, а? Сейчас ещё день, но скоро настанет вечер, а за ним ночь. И тогда она взойдёт на брачное ложе с сэром Злориком?

Эта мысль была настолько курьёзной, что даже показалась смешной. Если предположить, что это произойдёт, то какая разница? Ведь они так похожи...

Ну, нет уж, дудки! Ещё не хватало изменить мужу с его предком-копией. Сегодня она больна и всё тут! Но это может сработать раз или два, а что дальше? Дальше нужно будет подумать, как выкрутиться.

Пока ей ничего не приходило в голову. Бежать? Найдут, да и бежать некуда. Рассказать всё, как есть? Сочтут за сумасшедшую или выдумщицу.

И вдруг её мозг пронзила одна мысль, от которой она даже вздрогнула – а где же настоящая жена сэра Злорика? А вдруг она сейчас на месте Злоси? А что если Злоскервиль не заметит разницу?

Ей даже стало жарко от ревности! Правда, она немедленно обозвала себя дурой, ведь не факт, что эта женщина поменялась с ней местами. А если даже так, то, конечно же, Злоскервиль сразу всё поймёт!

.....

Злоримор: Да вот же она! Слава Богу, сэр, ваша супруга и наша барыня в порядке!

Злоскервиль: Злося! Ну, как так можно? Ты меня чуть до смерти не напугала! А почему ты так странно одета?

Зольга: Сэр Злорик? Вы ли это, супруг мой?

Глава 15. Разделить ношу

Изодранная шляпа и окровавленный лоскут от камзола, вот всё, что они нашли за целый день. Пройти по следу Быка было несложно – он оставлял после себя просеку из смятого и поломанного подлеска. Отпечатки огромных копыт тоже нельзя было ни с чем перепутать.

А вот следов капитана Барбаруса нигде не было видно. Кроме вышеназванных находок, ничто не указывало на его присутствие в Запретном лесу.

– Не носит же он его до сих пор на рогах! – развёл руками Фиг, когда они решили, что сегодня поиски продолжать бессмысленно.

– Вот здесь он останавливался поесть, – возразил Драгис, указывая на куст обципаный, едва ли не до корней. – Бык, конечно, силен, но он не смог бы проделать этого с взрослым мужиком на рогах, даже если это труп.

– Получается, что он где-то его сбросил, – задумчиво проговорил Фиг. – Но где?

– Мы проверяли всё очень тщательно, – покачал головой очеловеченный дракон. – Мертвеца не пропустили бы ни за что.

– Так значит, он жив! Соскочил и благополучно убрался подальше, пока Бык не вернулся...

– Хотелось бы в это верить.

Драгис достал из кармана и ещё раз внимательно рассмотрел их находки.

– Судя по всему, парень серьёзно ранен, – сказал он в заключении. – Ему врядли удалось бы уйти далеко, а уйти, не оставив следов, вообще не получилось бы.

– Тогда куда же он делся?

Ответа на этот вопрос не было, но одно предложение у Драгиса имелось.

– Скажи, – спросил он Фига, понизив голос, – ведь тот фыврень не единственное чудовище, что здесь обитает?

Фиг открыл рот, чтобы ответить, но потом взглянул на Фоллиану и молча, кивнул. Предположение о том, что мужа этой женщины утащила одна из местных тварей, казалось весьма правдоподобным. Но если так, то найти его живым у них нет никаких шансов. Друзья поняли друг друга без слов, но лишать надежды их новую знакомую не стоило, тем более что версия похищения её мужа одной из местных тварей пока подтверждений не имела.

Драгис оглянулся на девушек. Анджелика не отходила от новой подруги, которая казалось, понимала только её. Фоллиана начала потихоньку оживать, но пока это выражалось лишь в том, что она стала односложно отвечать на вопросы ей задаваемые. Однако это был уже немаленький прогресс, ведь от шока вызванного горем, человек может замкнуться надолго, если не навсегда.

То, что его возлюбленная обладает способностью утешать,

Драгис знал давно. Но теперь получалось так, что между ними неожиданно оказалась незнакомая девушка, которой требовалась помощь. Разумом он понимал, что Анджелика поступает правильно, но лишившись её внимания, он вдруг поймал себя на том, что испытывает... ревность! Глупо, конечно, но...

Прошлую ночь девушки спали вместе, а ему было холодно, несмотря на тёплую ночь. Эта ночёвка обещала быть такой же, как предыдущая. Интересно, сколько так будет продолжаться?..

Драгис одёрнул себя за такие мысли. Хорошо ещё, что Огнеплюй не знает о его переживаниях! На смех поднял бы, как пить дать. В конце концов, он полюбил Анджелику такой, какова она есть, а раз уже приходится на помощь попавшим в беду её неотъемлемая черта, значит, он должен принять это свойство, как часть жизни своей девушки и разделить её ношу!

Глава 16. Выпутаться непросто...

Когда для того чтобы увидеть чудо, достаточно посмотреться в зеркало, перестаёшь удивляться чудесам вокруг себя...

Капитан Барбарус видел в жизни немало чудес. При этом фокусы, которые вытворяли ведьмы, были сущей ерундой перед множественностью миров, которую он открыл для себя, когда оказался выброшен из своего мира магическим взрывом. И, конечно же, самым большим чудом в его жизни была Фоллиана. Но, оказывается, на ней чудеса его жизни не закончились...

Его разбудила щекотка. Она возникла в развороченном боку, а это означало, что начался новый день, и слуги его спасительницы принялись за работу. Вчера они срастили ему кости и соединили порванные жилы. Сегодня взялись за мышцы и нервы. Отсюда и щекотка.

Как сказала хозяйка древесных чертогов, им нужен день на то, чтобы исцелить что-нибудь одно. Значит, завтра они заштопают его кожу, и тогда он сможет уйти. Но он, конечно же, не уйдёт, не поблагодарив хозяйку...

.....
Бык не был тупым и безмозглым животным. Барбарус понял это, когда получил первый удар. Правда, ничего человеческого, что отличало Быковича от его соплеменников, в нём

больше не осталось, но всё же он действовал не как неразумная скотина, а как хитрая опытная тварь.

Сообразив, что стряхнуть человека не так-то просто, бычара сначала таранил им подлесок, что по ощущениям смахивало на порку розгами. Но Барбарус это выдержал, хоть и чувствовал, как одежда лопается на его спине, и колючие ветки уже начинают просекать кожу. И, всё-таки, он держался!

Сначала потому что хотел увести этого монстра подальше от Фоллианы, а затем, потому что понял – отпусти он бычью голову, как тут же будет растоптан каменными копытами.

Бык тоже сообразил, что избавиться от прилипчивого врага, таким образом, не удастся и решил снять его ударами о деревья. Капитану повезло, что враг мог пользоваться только боковым зрением, иначе он погиб бы в считанные секунды! Но бык промахивался и промахивался не в силах прицелиться, как следует. И всё равно, рано или поздно, зверь добился бы своего.

Страшная боль в боку, едва не заставила Барбаруса разжать пальцы. Острый сук разорвал ему бок, располосовал кожу, мышцы и сломал несколько рёбер. Если бы удар был чуть под другим углом, капитана накололо бы на этот сук, как бабочку!

Но бык останавливаться не собирался. Барбарус вдруг почувствовал, что он бежит по прямой, и всё набирает скорость! Это могло означать лишь одно – бык наметил-таки

себе подходящее дерево и собирается расплющить жертву о его ствол.

Удара капитан Барбарус не почувствовал. Он и так был на грани потери сознания, а потому, когда вдруг провалился в мягкую, пахнущую зеленью темноту, то решил, что умер...

Его пробуждение было странным. Сначала он подумал, что парит в облаках или плывёт в чём-то, одновременно густом и лёгком. Последнее предположение оказалось верным. Только он не плыл, а лежал в ванне, изготовленной из... дерева! Удивительная ванна была наполнена чем-то напоминающим патоку, густо налитанную пузырьками воздуха. При этом голова капитана покоилась на ветке с зелёными листьями. Такие же ветки поддерживали его руки и ноги. Когда он попытался пошевелить конечностями, выяснилось, что ветви не только поддерживают его в этой ванне, но и держат, не позволяя совершать самостоятельных движений, причём, держат крепко – не вырвешься!

– Это для того чтобы ты не повредил себе случайным движением! – сказал вдруг мелодичный женский голос где-то рядом.

Повернув голову, Барбарус увидел странную девушку, стоявшую в двух шагах от него. Она была абсолютно обнажена, но это её совершенно не смущало. Видимо это юное создание, вообще не знало одежды, так естественно держалась она в своей наготе. Кожа этой красавицы была совершенно белой, без признаков загара, а волосы, кудрявые и длинные,

были почему-то зелёного цвета и покрыты... мелкими личинками!

– Подожди немного, не шевелись! – попросила девушка ласково. – Сейчас мои слуги закончат сращивать твои кости, и тогда ты сможешь поехать.

Только сейчас Барбарус обратил внимание на то, что у его правого бока что-то шевелится. Точнее, это шевеление было не у бока, а в боку. Внутри него...

От этого ощущения капитану стало не по себе. Он попытался взглянуть на то, что происходит с его телом, но для этого надо было неестественно наклонить голову.

– Нет, нет! – запротестовала девушка. – Не делай так. Тебе же не больно? Не надо бояться, и тогда ты быстрее поправишься. А своих слуг я тебе потом покажу, чтобы не было сомнения, что они способны только на добро!

Способными только на добро слугами, оказались муравьи, красные и чёрные. Они ходили по его телу и внутри него толпами, легионами, армиями! Барбарус не понял одного – как они дышат под водой? Впрочем, это была не вода, а что-то ещё. Но сейчас его занимали несколько иные вопросы.

– Кто ты? – спросил он девушку, когда муравьи, выстроившиеся в две цепочки, двинулись куда-то по бортику ванной.

– Берёзка! – ответила девушка, солнечно улыбнувшись.

– А как тебя зовут?

– Я же говорю – Берёзка! – рассмеялась над его непонят-

ливостью собеседница.

– Но кто ты, по сути? – не унимался Барбарус, давно сообразивший, что его спасительница не человек.

– А, ты об этом? Я – дриада! – ответила Берёзка торжественно. – А ты сатир?

– Вообще-то, нет, – ответил Барбарус, которому тоже захотелось рассмеяться. – Но ты, если хочешь, можешь считать меня сатиром! Берёзка, скажи, как я попал сюда?

– Тот бык, который носил тебя, ударил лбом о моё древесное тело, ответила Берёзка. – И тогда, чтобы ты не погиб, я приняла тебя в своё лоно, так что теперь ты мой муж!

– О!..

– Не бойся, я буду тебе хорошей женой, но сначала тебя надо вылечить.

– Но... Берёзка, у меня уже есть жена, и я очень о ней беспокоюсь!..

– Ты про ту девушку, которая была с тобой, когда напал бык? – спросила дриада, ничуть не смутившись. – Её увели странные гости. Те самые, что притащили сюда раненого быка и искупали его в Целебном озере. Не беспокойся, с ними она в безопасности! Так что, теперь у тебя две жены.

Барбарус не стал ей возражать, чтобы случайно не обидеть свою спасительницу. Но решил в недалёком будущем, как-нибудь объяснить ей, что не может быть мужем двух женщин сразу, потому что...

А, собственно, почему? Ну, да, это было не в обычаях че-

ловека цивилизованного. Но, фактически, люди, (мужчины по большей части, но бывает и женщины), случалось и случается до сих пор, имеют несколько семей. Иные вступают в брак, но потом расстаются и заводят себе другие пары, с которыми живут в любви и согласии. Есть и такие, что живут все вместе – один мужчина и несколько женщин, реже – одна женщина и несколько мужчин. Бывает, что и мужчин, и женщин несколько, и они всё время меняют партнёров. Что ж, это их дело, если всех в этой группе устраивает такой порядок вещей.

До сих пор Барбарус в этом отношении был ретроградом. Он даже никогда не заводил отношений с двумя любовницами одновременно. Теперь же, когда у него есть Фоллиана, о других женщинах как-то даже не думается. Так что важны не обычаи, а то, что он безумно любит свою жену, и пусть Берёзка очень красива, но он не любит её... А она красива!

Берёзка относилась к таким девушкам, возраст которых определить было непросто. Ей можно было дать от семнадцати до тридцати. Свежесть и девственная нетронутость юной девушки, сочетались с совершенством развитых форм, присущих молодой полностью созревшей женщине. При этом в лице Берёзки было что-то непередаваемо детское, наивное. То что, как правило, исчезает к моменту, когда человек перестаёт быть подростком.

– Спасибо! – вдруг сказала Берёзка и зарделась, как невеста на смотринах.

– За что? – удивился Барбарус.

– За то, что так хорошо обо мне думаешь, – был ответ.

– Но откуда ты знаешь, что я о тебе думаю? – подозрительно нахмурился капитан. – Разве ты можешь читать мои мысли?

– Нет, я ведь не дракон, – снова улыбнулась дриада. – Но твой взгляд выдаёт то, что ты мной любишь, и что я тебе нравлюсь. Это очень приятно, и я благодарю тебя за это!

Барбарус даже глаза прикрыл. Да, выпутаться будет непросто!

Глава 17. За дохтуром, да в постелю!

То, что здесь что-то не так, было слишком очевидно, и потому Злося не сразу заметила принципиальное отличие – здесь было всё *совсем* не так!

Она не могла бы объяснить словами, что именно было «не тем» в окружающем мире, но дело было не только в том, что обстановка в замке сменилась на какую-то древнюю, и непостижимым образом воскресли его прежние обитатели. Сами вещи, пространство, люди и даже воздух, воспринимались как-то иначе. И говорили все вокруг по-другому. Вроде те же слова, но звучали они непривычно, странно, так что Злося даже не сразу понимала, о чём её спрашивают, когда кто-то к ней обращался.

Но, что самое чудесное, это то, что она сама говорила как-то не так. Даже запинаться стала, удивляясь сама себе. Но получалось говорить у неё по-новому совершенно непринуждённо, так что Злося даже сначала испугалась, услышав свой собственный голос.

– Ну, как вы себя чувствуете, душа моя?

Он вошёл так тихо, что она не услышала шагов этого большого, тяжёлого человека. Да, сэр Злорик действительно был похож на её мужа, как брат-близнец, но назвать их одина-

ковыми можно было лишь с первого взгляда. Прародитель Злордов и Злоскервилей отличался от своего потомка, как буйвол от благородного оленя. Он напоминал Злосе ходячую гору, но не гору жира, а гору тугих бычьих мускулов, которыми мог похвастать не каждый молотобоец, и которые не могла скрыть даже свободная одежда. Но при этом, ходил он тихо и мягко, как прирождённый охотник, сам свирепый хищник, по сути. Этому способствовали мягкие охотничьи сапоги, которые он предпочитал любой другой обуви. Злося уже знала, как отвечать на его к ней обращение, и потому проговорила, скромно опустив глазки:

– Благодарю, мой господин, мне уже лучше!

Сказать, что ей совсем хорошо, означало сильно рискнуть. Сэр Злорик был полновластным господином в своих владениях и в своей семье. Неповиновение его воле строго каралось, отказы не принимались. При этом он не был извергом и нежно любил свою жену, (Злося уже поняла это), а потому её нездоровье обеспокоило его и расстроило. А так же явилось уважительной причиной для того чтобы оставить молодую женщину в покое. Но сегодня, (шёл уже третий день пребывания Злоси в этом изменённом мире), в глазах сэра Злорика светилась плохо скрываемая радость. Что бы это значило?

– Я рад, что всё обошлось и вы вне опасности. Но я вынужден попенять вам, душа моя! – проговорил сэр Злорик, всё с тем же блеском в глазах, напоминая ей мальчишку, го-

тогового расхохотаться.

– Чем же я заслужила ваше неудовольствие, господин мой? – пролепетала Злося, широко раскрывая глаза в непритворном удивлении.

– Тем, что я узнаю столь радостную и важную для меня новость не от вас, а от старой няньки, которую к вам приставил!

– О какой новости вы изволите... – начала Злося, но замерла на полуслове.

Ошеломляющая догадка вдруг поразила её, как ушат ледяной воды. На лице сэра Злорика тоже отразилось недоумение, но совсем другого рода.

– Так вы не знали? – воскликнул этот гигант, чуть не задохнувшись от нахлынувших чувств. – О, моё любимое, невинное дитя!

Он вдруг встал на одно колено и припал губами к её ножке, одетой в белый полотняный чулок.

– Выходит, что не вы мне, но я вам сообщаю радостную новость, которая сделала нас обоих счастливыми! Вы беременны, душа моя, и коли Богу будет угодно, то в положенный срок подарите мне наследника, как мы с вами о том мечтали!

Злося так и не нашла, что ответить. Она сидела с открытым ртом и хлопала глазами, чувствуя себя полной дурой! Впрочем, это была её первая беременность, и всё ей было сейчас в новинку.

Но что же ей делать? Ведь это был ребёнок Злоскерви-

ля, не Злорика, да и она не была барыней Злольгой, как звали настоящую жену первого хозяина Злордхолла. Интересно, а она, то есть, Злольга, не беременна? Что-то подсказывало Злосе, что – да!

Сэр Злорик приписал состояние той, кого считал своей супругой, вполне понятному потрясению и решил больше не докучать ей. После ног он целовал ей руки, наговорил всяких ласковых слов, потом запечатлел поцелуй у неё на лбу и напоследок успокоил такими словами:

– Отдыхайте, душа моя, набирайтесь сил! Я закажу специальный молебен о вашем здравии во всех церквах в округе, а также отправлю специального нарочного в Злондон, чтобы заказать службу в главном кафедральном соборе.

Он помолчал немного, а потом несколько смущённо улыбнулся и сказал:

– Вас, наверное, беспокоит моё самочувствие? Но не волнуйтесь, душа моя! Ваше место пока займёт служанка-наложница, которую ваш батюшка дал вам в приданое. Вы знаете, она хорошая девушка, скромная и простая. Но я буду всё равно скучать и ждать вас, душа моя!

Потом он ласково погладил Злосю по щеке и вышел. Ошарашенной всем этим девушке, стало и смешно и грустно. Вот, значит, какие отношения царили в семье предка её мужа по материнской линии. Она даже почувствовала странную ревность к этой неведомой служанке-наложнице!

Вот глупость-то! Это совсем не её дело. Кроме того, здесь

такое, по-видимому, в порядке вещей, иначе, зачем бы отец Злольги дал ей в приданое девушку-заместителя для мужа?

Интересно, Злольга испытывает чувство ревности к таким вот служанкам? Или она ровно относится к тем, кто поддерживает душевный покой и физический тонус её мужа, в то время, как она сама не может этого делать, в силу тех или иных обстоятельств? А что бы почувствовала сама Злося, если бы узнала о такой «заместительнице» для себя в их с Злоскервилем доме?

От всех этих вопросов голова пошла кругом. А ещё, появилось странное чувство, что на самом деле она не хочет знать на них ответы! Сейчас надо думать о другом. Первое...

Злося положила руки себе на живот и улыбнулась. Она ещё не осознала до конца, того, что с ней происходит, но уже чувствовала подступающий восторг от чувства, что жизнь наполняется новым смыслом!

И второе – надо всё исправить. Вернуться к мужу и вернуть на место Злольгу, его прародительницу, иначе роду Злордов и Злоскервилей не быть, а значит и ему не родиться.

Как это сделать? Она не знала. Пока не знала, но возможно что-то, что ей нужно, можно отыскать в библиотеке. Значит, необходимо туда снова попасть!

.....

Чикада: Я уже сталкивался с чем-то подобным, и второй раз не наступлю на те же грабли.

Злорик Медная голова: Я не понимаю вас, мастер. О каких граблях идёт речь?

Чикада: Я имею в виду, что не собираюсь повторять прежние ошибки. Где-то здесь есть книга-ловушка, которая работает, как портал в другой мир. Надо найти её и тщательно исследовать, прежде чем откры...

Злорик Медная Голова: Вот эта?

(раскрывает книгу, после чего оба призрака бесследно исчезают)

.....

Злольга: Я не понимаю! Где я? Что с нашим замком? Кто все эти люди вокруг? И что с вами, муж мой? Почему вы как-то... меньше и тоньше?

Злоскервиль: Злося, это я тебя не понимаю! Ты ушла из дома, никому ничего не сказав. Я уже тревогу поднял, приказал искать тебя по всей округе, и вдруг нахожу тебя здесь, одетую, как для маскарада и в странном состоянии духа! Ты хорошо себя чувствуешь?

(Злинда и Злуша вбегают в библиотеку и останавлива-

ются на пороге, тяжело дыша)

Злуша: Слава Богу, жива и здорова! А ты меня, подруга, уже до смерти перепугала...

Злинда: Злось, ты как? То есть, миссис Злоскервиль, с вами всё в порядке?

Злоримор: Да что вы спрашиваете? Не видите – двинулась она малость. Это ли диво при нашей жизни-то... Задохтуром бежать надо, вот что!

(Злинда и Злуша смотрят друг на друга и смеются)

Злинда: Так это не беда! Все мы рано или поздно вот так «двигаемся». Бабское дело наше такое, но не без вашей мужчинской помощи!

Злоскервиль: Что вы имеете в виду, милая?

Злуша: А вы пойдите сюда в сторонку, сударь, вот мы вам всё и объясним!

(Все отходят и совещаются, в то время как Злольша продолжает затравленно озираться вокруг)

Злоримор (*добродушно смеётся*): Ах, вот оно что! Ну, это дело доброе!

Злоскервиль: Ура! Злося, я теперь самый счастливый человек на свете!

Злольга (*чуть не плача*): Зато я, наверное, самый несчастный человек на свете!

Злоскервиль: Но почему?

Злольга (*пристально всматривается в него*): Это правда, вы, мой муж?

Злоскервиль (*обеспокоенно*): Да, любимая, это действительно я, твой муж, хозяин Злоскервиль-холла, сэр Злоскервиль, а ты моя жена – миссис Злоскервиль.

Злольга (*в ужасе*): Злоскервиль? Зачем вы так говорите? Или вы шутите надо мной? Ведь у вас с Злоскервилями смертельная вражда! Вы даже хотели взять штурмом их замок, но король Злолгелым запретил вам это и приказал помириться. Почему вы называетесь чужим именем и меня тоже им называете?

Злоскервиль (*после некоторого молчания*): Но, как же

мне, по-твоему, называть себя, да и тебя тоже?

Злольга: Сэр Злорик, получивший от Его Величества титул Злорда. А если уж я зовусь вашей супругой, то я – Зледи, а имя моё – Злольга!

Злоскервиль (*в сторону*): Она что, здешних хроник не читалась?

Злинда (*обращаясь к Злуше полудиёпотом*): Ой, плохое дело! Эх, ей голову-то скрутило, совсем шальная!..

Злоримор: Говорю же – за дохтуром бежать надо, да в постелю, пока чего худого не вышло!

Глава 18. Возможно, он расскажет?

– Этак мы до замка Мена дойдём! – проворчал Фиг, когда они миновали очередную балку, густо заросшую можжевельником.

– Это хорошо или плохо? – поинтересовался Драгис.

– Как сказать? – пожал плечами его картофелеобразный приятель. – С одной стороны, там сейчас никого нет, и не будет грехом, если мы воспользуемся хранящимися там припасами, а заодно отдохнём. С другой стороны, чем ближе к замку, тем больше чудовищ.

– Да, но мы пока столкнулись только с одним, – заметила Анджелика. – Вы с Быком так расписывали сухопутных осьминогов и прочих тварей, а нам встретился один фыврень, да и то не в самом лесу, а на дороге. Правда, он наделал беды...

– Даже не знаю, что тебе сказать, – задумчиво проговорил Фиг. – В голову приходит только то, что все монстры от Быка, куда подальше драпанули!

Это было похоже на правду, а потому не было смешным. Анджелика искоса глянула на Фоллиану, апатично шагавшую рядом, но девушка никак не отреагировала на упоминание Быка, хотя раньше вздрагивала, едва о нём заходил разговор.

О её пропавшем муже они совсем не разговаривали. Скорее всего, его уже не было в живых, так зачем же беречь

свежую рану их новой знакомой? Они ещё не придумали, что будут делать, когда найдут Быка и опасались, как бы Фоллиана не накинулась на него со шпагой, с которой отказывалась расстаться.

Перспектива попасть в замок, где можно было бы отдохнуть и перевести дух, была заманчивой. Беспокоило одно – Бык мог за это время уйти в неизвестном направлении. Впрочем, он мог сделать это если бы они оставались просто в лесу.

– Мы там долго прожить можем! – разглагольствовал Фиг на ходу. – После свадьбы Козаура и Мен отправились путешествовать, а мы с Быком дома остались. Так что мы можем пока не беспокоиться, только потом надо будет за собой прибраться. Конечно, еда там вегетарианская, но выбирать не приходится.

Жуткий рёв разом поднял всех птиц Запретного леса. На миг все оцепенели от ужаса, но в следующее мгновение уже бежали, сломя голову туда, откуда донеслось это невероятное мычание.

Да, это был голос Быка, и, судя по всему, его ели живём! Когда друзья перевалили через холм, выяснилось что это предположение недалеко от истины. Бык запутался в живой изгороди, первом рукотворном сооружении, которое они увидели в этом лесу. На некотором расстоянии от изгороди виднелся замок, выстроенный без крепостных стен, а потому более изящный, чем его древний собрат, вотчина графа

Рогелло Бодакулы.

Но сейчас всех, и прежде всего Быка занимал отнюдь не замок, а то, что не торопясь подвигалось к их другу, лишённому возможности удрать. Это нечто по форме напоминало стог сена, а размером было с четырёхэтажный дом.

Чудовище шло, (хоть это больше напоминало перетекание), на коротких относительно тела щупальцах, которые у его морских собратьев были намного длиннее. Его кожа была бурого цвета, бугристая и шероховатая. Видимо от жизни на суше она стала твёрдой и в будущем обещала превратиться в панцирь. У основания щупалец располагались немигающие круглые глаза размером с автомобильное колесо. Зрачки этих глаз – щелевидные, горизонтально расположенные, странно напоминали козы.

Сухопутный осьминог! Чудовище огромной силы, практически неуязвимое для оружия. Безжалостный хищник.

Драгис и Фигольчик тотчас выхватили свои пистолеты. Но оружие Фига лишь сухо щёлкнуло – патроны закончились ещё на дороге. Грозные пушки дракона рывкнули по два раза, но тоже смолкли – их боеприпасы тоже кончились. Но даже если бы этого не случилось, толку всё равно было бы мало. Осьминог обратил на попавшие в него пули не больше внимания, чем на горсть брошенного гороха.

Стрелки переглянулись в замешательстве, но в то же время Анджелика, как-то лихо, гикнув, полетела вперёд, поднимая копьё. Неизвестно чем бы закончилась её схватка сходя-

чей горой холодных мускулов, но в это время раздался треск, и над головой девушки пронеслось что-то огненно-красное!

Пламя, превращённое в луч, ударило в сверхгигантское головоногое, которое тут же как-то странно ухнуло и зашипело. Поток пламени струился не прекращаясь. Осьминог бился в конвульсиях и издавал кошмарные чавкающие звуки. В воздухе повис запах гари.

Чудовище уже погибло, но огненный столб всё продолжал пронзать его тушу, превращая её в бесформенную массу. На это ушло не более десятка секунд, затем звуки стихли, и луч погас. Все, в том числе присмиревший Бык, смотрели на Фоллиану, которая опустила шпагу и зачем-то рассматривала её клинок.

– Ты спасла его! – проговорила Анджелика, опуская копье.

– Я поняла, что этот бык вам дорог, – ровным голосом ответила Фоллиана. – Кроме того, если вам удастся вернуть ему разум, возможно, он расскажет, где сейчас может быть мой муж?

Глава 19. Цель прогресса

Последняя линия обороны была сломлена, вражеский слон съел пешку и замер, молча угрожая королю, который и так находился под прицелом двух ладей. Шах и мат.

Падре Микаэль улыбнулся и поднял обе ладони в знак того, что признаёт поражение.

– Вы опять проиграли мне! – с удивлением воскликнул синьор Альд и испытывающе взглянул на своего партнёра сквозь очки-половинки. – Это непостижимо! Как вам удастся сначала уверенно теснить противника, а потом сдавать позиции одну за другой, словно вы устаёте обороняться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.